

Элина Наумова

ЛИЦО
УДАЧИ

Любовь не вечна. Но если не начать
с нее, то лучше вообще не начинать.

Ваша Э. Наумова

Элина Римовна Наумова
Лицо удачи
Серия «Госпожа удача»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39286127

Лицо удачи:

ISBN 978-5-04-090116-6

Аннотация

Любовник-аферист, едва не задушивший из-за чужой записной книжки, был? Был. Съемная комната в центре Москвы после нескольких лет, прожитых в общежитии на окраине, была? Была. Состоятельный москвич-интеллектуал, любящий, щедрый, заботливый, нежный, готовый бросить весь мир к ногам, был? Был. Кольцо с рубином и бриллиантами было? Было. Подруга, вместе с которой обнаружили труп, тоже была. Все было у Кати Трифоновой – самой обычной провинциалки, приехавшей покорять Москву. Были и удачи, и неудачи. Но ничто из этого не сравнится по ценности с собственной квартирой. Тем более что квартиру эту она могла бы купить на деньги престарелого любовника, которые тот спрятал в вентиляционной шахте заброшенного дома... Только где тот дом? И где те деньги?..

Содержание

Пролог	5
Глава первая	20
Глава вторая	64
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Эллина Наумова

Лицо удачи

© Наумова Э., 2018

© Павликовская М., иллюстрация, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Пролог

Катя Трифонова и Мирон Стомахин целовались в метро, как ненормальные. То есть в Москве это нормально. Все такие занятые и неустроенные, что терять даже минуту счастья или банального удовольствия никому в голову не приходит. А может, люди мстят подземке за часы, бесполезно проведенные бок о бок с вероятными сужеными. Сколько их покачивается напротив в вагоне? Сколько поднимается на эскалаторах вверх, когда ты спускаешься вниз или наоборот? Сколько пробегает мимо в вестибюлях? В итоге эта круговерть упущенных шансов становится невыносимой. Человек перестает разглядывать окружающих и утыкается в книжку, электронную читалку или смартфон. Но если встреча двоих состоялась, будьте уверены, они обязательно сообщат об этом метро поцелуями. Пусть знают, бездушные транспортные сосуды, по которым мы течем кровью: богатой кислородом артериальной – на работу. И обедневшей венозной – с нее. Пусть запомнят.

Когда юная медсестра Трифонова явилась в столицу с горячей надеждой устроиться работать в любую районную поликлинику, она заходила от возмущения и отвращения, глядя на целующихся людей. Девчонки из общежития ежедневно слышали, что это безобразие, извращение и вообще признак моральной деградации народа. «Будь я матерью, вы-

творяй они такое при моем ребенке... Не знаю, что сделала бы, но мало точно бы не показалось», – говорила она. Настороженные слушательницы, с которых Москва уже стерла полиэстровый лоск глубинки, успокаивались. Еще очень долго в подземку можно было спускаться, не опасаясь ненароком попасть на войну Кати с распущенностью. В столице рожают поздно.

И вот, пожалуйста. Миновали восемь или девять лет, Катя, забыв об утонченности попугчиков, слипалась губами с парнем так, что их не растащил бы и более крупный борец за нравственность, чем она сама. Она просто не замечала людей в вагоне, ни когда Мирон нежно притягивал ее к себе, ни когда они выходили – его рука либо на ее поясище, либо на животе, а дыхание ласкает шею. Никого вокруг не было, ничего не было. Какое на фиг метро? Какой, к черту, мегаполис? Они были в Гималаях. Или в джунглях. А то и на Марсе. И яблони на нем уже цвели. В старой песне это только обещали. Интересно, кто и когда успел их посадить и вырастить?

Изредка, в краткие минуты просветления, Катя с былым возмущением спрашивала любимого:

– Почему они на нас пялятся? Недостает культуры отвернуться? Безобразие. Сплошные извращенцы вокруг. Не сводят глаз с людей, которые их не трогают. Народ морально деградирует, да ведь?

– Пусть завидуют, – смеялся Мирон.

– Точно! Это зависть. Какой же ты у меня мудрый. Ладно, если они нас окончательно достанут, я им все выскажу, запомнят надолго.

Самым любопытным в Кате Трифоновой было не превращение из наблюдателя в объект наблюдения. А то, что она не помнила точно, сколько лет живет в столице. Обычно из москвичей в первом поколении, как водится, разбуженных среди ночи для проверки знаний, вылетает срок пребывания с точностью до месяца. И вдруг такое беспамятство.

Надо отдать Кате должное, она знала наверняка, что дорога от перрона Казанского вокзала до дома Андрея Валерьяновича Голубева заняла пять лет и три месяца. За это время девушка стала медсестрой в поликлинике и жительницей общаги. И как-то ее отправили разносить приглашения на флюорографию. Предметом беспокойства медиков тогда было здоровье пенсионеров. У одного из них не закрывался почтовый ящик. Дотошная Трифонова решила лично сообщить о возможности проверить легкие, раз уж притащилась по жару. Позвонила в квартиру.

Дверь открыл очень симпатичный шестидесятитрехлетний пациент с веселыми глазами. Такой высокий седовласый поджарый европейского типа господин. Совершенно безответственный, надо заметить. Жарил котлеты себе на завтрак. Государство о нем заботилось, бесплатно проводило диспансеризацию, а он уплетал мясо в десять утра. Да еще, как скоро выяснилось, намолот себе кофе и прятал торт в холодиль-

нике. Будто представления не имел о вреде кофеина и допустимом уровне холестерина в крови. Медицинское просвещение Голубева обернулось совместной расправой над котлетами и тортом. А еще через месяц Трифонова пришла сделать ему выговор – на обследование наглец так и не явился. Начихал на статистику по участку, к которому был прикреплен. Может, уже окоचурился от хронического злоупотребления жирами и углеводами. Оказалось, жив, здоров, пьет коньячок по чуть-чуть и вполне состоятелен как мужчина. Да еще и одинок. И деньги зарабатывает. В общем, медсестра Трифонова стала его любовницей.

У Голубева была небольшая, но роскошная, современная и отремонтированная квартира. Ложась в ванну, Катя чувствовала себя американской кинозвездой пятидесятых. А заваривая чай – кинозвездой нулевых. Или каких? Андрей говорил: «Кухня в стиле модерн».

В комнатах стояла невиданная мебель. Казалось бы старинная, но не ободранная, без единой царапины, будто новая. И еще потолки в квартире были невероятно высокие. И окна большие. Света было много, воздуха. Настроение хорошее само собой возникало, пока Катя не привыкла. А кресла и диван были такими удобными, что любой человек волей-неволей чувствовал себя в них тем, кем не был и стать не мог. Трифоновой повезло с условиями проживания.

О себе Андрей Валерьянович не откровенничал. В сущности, они с Катей просто не успели разговориться. Она увле-

ченно выдумывала ему прошлое. И даже настоящее – он давал поводы. К примеру, возле телефона лежала старая записная книжка. А по алфавиту фамилии десятков таинственных людей. При Трифоновой они никогда не звонили и не приходили в гости, и от этого ей было еще любопытнее. Молодая любовница терзала Голубева вопросами о друзьях, и тот иногда по вечерам рассказывал про каждого нехитрые, но очень живые истории. Особенно хороша была одна – про благородного и щедрого Антона Каменщикова. О таком начали мечтать даже самые циничные девчонки из поликлиники и общежития, которым Катя увлеченно пересказывала то, что слышала от Андрея Валерьяновича. Больше всего на свете Кате хотелось, чтобы он перестал ее стесняться и наконец познакомил со своими яркими разновозрастными друзьями.

Но Голубев много чего не успел. Как-то после работы лег отдохнуть и умер во сне от инфаркта. Катя приехала домой, надеясь на хороший ужин с вином, и обнаружила мертвого хозяина. Она впервые открыла сейф любовника. Достала его паспорт. Документы на квартиру. И узнала, что Андрей Валерьянович не был женат. И владел своей недвижимостью один. Она схватилась за его поразительную записную книжку. Набирала номер за номером, и все, откликавшиеся, общались, что того, кого она просит к телефону, здесь нет, никогда не было и не будет. Только какой-то Василий оказался с ним знаком. Выслушал Катю, сказал: «Жаль мужика. Так, значит, на работу его утром не ждать?» И бросил трубку.

Все это было страшно и печально. Трифонова похоронила одинокого, выдумавшего себе массу друзей Голубева. Покинула квартиру, которую он мог бы ей оставить. И вернулась в общежитие. Сколько там набежало месяцев знакомства? Один от знакомства до постели, семь в постели, итого восемь месяцев. А казалось, годы и годы... Этим ударом затаейница судьба прикончила остатки Катиной веры в чудо. И еще детскую убежденность в том, что человеку, который не делает людям зла, обязательно повезет в главном. А что может быть главнее собственного угла? Любовь? Нет. Собственная квартира!

Говорят, тот, кто не испытывал ощущения, что жизнь кончена, вообще не жил. В этом смысле Трифонова разошлась на полную катушку. И еще пять месяцев оплакивала своего недоверчивого Андрюшу и доставшееся государству жилье, в котором ей было так спокойно. А потом участковый терапевт Анна Юльевна Клунина, при которой Катя и трудилась медсестрой, встретила своего давнего знакомого. Тот открывал в Москве частную клинику и пригласил ее работать. Доктор, чистая душа, замолвила словечко за Катю. И она не только прошла собеседование, но попросилась в операционные медсестры. Всегда мечтала работать в хирургическом отделении. «Мечта сбылась по благу», – иногда напоминала себе Катя. Но горечи эта мысль у поборницы справедливости не вызывала. Она была не хуже других и лучше многих. Так не все ли равно, как очутилась на своем месте?

Они с Анной Юльевной уволились, никому не сказав, куда намерены податься. Катя сняла комнату у мирной старушки и легко забыла общежитие. Привыкнуть к тому, что никто не заглядывает ей в тарелку, было труднее.

В один воистину прекрасный день хозяйка заперла свою комнату и отправилась ухаживать за немощной сестрой в Белгород. Назначила, было, жилище дополнительную, как она выразилась, плату за вольность. Но передумала. И оставила ей своего маленького рыжего двортерьера без имени. Трифонова назвала его Журавликом. И стала выгуливать на собачьей площадке недалеко от дома. Обоим это очень понравилось. А потом наступил тот самый теплый прозрачный волшебный сентябрь. Месяц, в котором кончилось и заново началось время. И стряслось все через... семь лет и девять месяцев после приезда в Москву. Нет, через семь и одиннадцать.

Однажды Катя столкнулась на улице со знакомой девочкой. Та сказала, что ее разыскивал милый парень. И невнятно его описала – темноволосый, среднего роста. Заходил сначала в общежитие, потом в регистратуру в поликлинику. С шоколадками, не хала-бала. Сладости доброжелательницы отработали честно. Выложили все, что знали, мол, ходят слухи, Трифонова устроилась в новую частную клинику. Парень возрадовался, будто победил на стометровке.

Катя решила, что опомнился ее бывший мальчик, который исчез, не попрощавшись. Она досадовала на трепливых

баб, но каких-нибудь последствий не ожидала. Работала себе и любовалась новорожденной осенью, гуляя с Журавликом. Впервые после смерти Андрея Валерьяновича она различила, какое время года было в Москве.

Тут на собачью площадку и забрел Кирилл. Сначала нес что-то про желание привести своего овчаренка. На следующий день явился с букетом роз. Сознался, что наврал про щенка, чтобы познакомиться с Катей. Предложил сменить место. И они с Журавликом отправились бродить по улицам. Посидели на веранде в кафе. Он рассказал о себе – родители в Чехии, сам выучился там на искусствоведа, вернулся в Россию, получает здесь второе, приличествующее бизнесмену, образование, знакомится с действительностью, сдает отцовскую квартиру, живет у тетки. Кирилл позвал ее на студенческую вечеринку к своей удалой приятельнице Ленке. Катя согласилась.

Ох, как ее пристукнуло этими розами, жадным молодым взглядом, которого Кирилл с нее не сводил. Все мысли разом исчезли...

И была вечеринка – сумбурная и забавная. На такой каждый гость запоминает не более трех эпизодов. Зато, если потом опросить всех, сложится детальная картина юного загула. Разумеется, всегда находится пара-тройка гуляк, которые вообще ничего не помнят. Но почему-то именно про них есть что рассказать остальным.

Катиной триадой была девушка Юлька, которую закли-

нали не ужираться и не плясать на столе. Пустая масленка. Хозяйка спрятала ее в микроволновку, чтобы кормить маслом особо отличившихся по части водяры, когда всю закуску сметут. Но они нашли заначку и осуществили профилактические мероприятия в самом начале пьянки. Затем невинно убрали опустевшую посуду туда, где взяли. И, наконец, парень, Мирон Стомахин, который, уходя по-английски, рассказывал кому-то по телефону, как прекрасна встреченная здесь медсестра Катя. Ленка и сама Катя случайно разговор Мирона подслушали. Ленке было смешно, Кате – приятно.

На этой безалаберной попойке ни Кате, ни Кириллу в головы не пришло злоупотреблять. Многолюдье то и дело разносило их в стороны. Кажется, потанцевать вместе удалось только один раз. И влюбленные так друг по другу соскучились, что удрали. Двое трезвых, как стекло, прозрачных и хрупких, как оно же, закончили вечер на Катинем диване.

И утром грянуло счастье нестройным дуэтом, в котором оба пели не очень умело, громко, но только для себя и друг друга, не заботясь, каково их слушать чужим ушам. Пели они пели, и вдруг Кирилл начал заглушать Катю. Он оказался неуравновешенным мальчиком. Прямо спрашивал про своих предшественников. И брезгливо вцепился не в ровесников, а в Андрея Валерьяновича. Его, мертвого, парень назначил своим соперником. И принялся с ним бороться, теребя нервы не слишком готовой к мужским заморочкам Кати. Он называл это: «Вытянуть из тебя Голубева без остатка, чтобы

занять все свободное пространство».

«Уж сколько раз твердили миру», не прикармливайте чувовище ревности. Сначала оно ест с помощью вилки и ножа под классическую музыку, вытирает пасть белоснежной накрахмаленной салфеткой и проникновенно благодарит за чудесную трапезу. Затем начинает есть, хватая крупные куски грязными лапами, вылакивая соус, чавкая. И вместо звуков вечно голодной благодарности издает звуки сытой отрыжки. А потом сжирает измученную милосердную кормилицу и отправляется на поиски другой.

Но Трифонова думала, что у любви нет законов и правил. Вернее, что каждая пара устанавливает свои законы и по ним блаженствует. И решила подыграть Кириллу. Когда тот бился в истерике, вопрошая, чем, кроме секса, можно заниматься с пенсионером, Катя рассказала про записную книжку, выдуманных друзей и их истории. Запоздало подумала, что Андрей был фанатичным книгочеем. И, скорее всего, тешил ее эпизодами из каких-нибудь романов. Но это уже не имело значения. Кирилл сконцентрировался на идее, будто она не могла не взять эту книжку, как последний сувенир. И то, что называлось доводами рассудка, Катиного, конечно, свой он терял при мысли о Голубеве, не принимал. Катя ему: оставила на полочке возле телефона, зачем мне адреса фантомов? Кирилл же ей пенял на знаменитую непостижимую девичью память.

Он умолял признаться страстно, почти безумно. И Катя

решила бросить его ненормальности последнюю кость. Та-кую вожаденную и большую, чтобы он подавился ею, на-ко-нец. Купила записную книжку. Вооружилась кирпичом, что-бы замусолить немного обложку. Задействовала отпарива-тель, чтобы слегка разбухли нетронутые страницы. И, меняя ручки, чтобы было, как в оригинале, написала кучу имен, фамилий, прозвищ, адресов, телефонов. Это была отличная подделка подделки.

Только одно имя перешло из старой книжки в новую. То, с которым была связана история, заставлявшая плакать же-лезобетонных баб из общаги. Антон Каменщиков. Андрей не снабдил этого персонажа номером телефона, только ад-ресом. И Трифонова сохранила традицию. Подарила Анто-ну Каменщикову квартиру на первом этаже... расселенного дома в соседнем дворе. Точнее, через двор. Наверное, под-сознательно ей хотелось, чтобы этот образец лучшего в че-ловеке жил неподалеку. А пока там налаживали быт шумные смуглые гастарбайтеры.

Довольная собой Катя оставила результат своего труда на видном месте в квартире с запиской: «Она действительно на-шлась». Кирилл еще спал, а ей пора было в клинику. Возвра-щаясь немного раньше обычного, Катя заметила любимого. Он уже почти завернул за угол ее, их дома. В качестве того самого хвоста, кончик которого прощался с брошенным ло-хом, выступала сумка с его вещами. Парень убирался навсе-гда.

Трифонова проследила за ним. Он уверенно шел по адресу Антона Каменщикова. Через открытое окно Катя видела, как, войдя в кухню, Кирилл грубо потребовал лестницу. И заставил мужиков выдрать вентиляционную решетку над газовой плитой. Ее нежный мальчик... Искусствовед... Студент... Влюбленный безумец... Что же он так любил? То, что скрывалось за решеткой. Кирилл сунул руку в отверстие и долго щупал воздух, наливаясь яростью. Изумленная и перепуганная Трифонова убежала.

Она успела лишь заметить, что из оставленной на столе книжки был выдран единственный листок с координатами, кто бы после увиденного сомневался, Антона Каменщикова. Чокнутый Кирилл ворвался следом, уронив на пол свои ключи. И, не сдерживая беспримесную ненависть, потребовал от Кати объяснений. Она призналась во всем: что любит, что не хочет расставаться. То есть не может его потерять до такой степени, что смастерила липу. Только бы он успокоился. Не все ли ему равно? Настоящая книжка Голубева, которая давным-давно сгнила на подмосковной помойке, была тем же.

И тогда Кирилл схватил Катю за горло. Душил, не помня себя, по-настоящему. Ничего не спрашивал, просто убивал за свое только что пережитое разочарование. Спас Катю Журавлик. Маленький трусливый метис наконец-то осмелился на полусогнутых войти в кухню. И мгновенно разобрался в ситуации. Он с лаем бросился к ногам душителя. Кирилл, отпинывая рыжую живую тряпочку, немного ослабил хватку.

Катя вывернулась и завопила так, что сама надолго оглохла. Убийца подхватил сумку и выскочил из квартиры.

Жертва нападения вела себя, как все, пребывающие в шоке. Немного похоже на «как ни в чем не бывало». Склонилась над своим героем, впечатанным в стенку и шмякнутым на пол песиком, не подающим признаков жизни. Убедилась в том, что он дышит. Подняла ключи. Хорошо, что Кирилл их выронил, а то замки пришлось бы менять. Заперла двери и окна. Задернула шторы. А дальше сделала то, что могла сделать только Катя Трифонова. Принесла из обшарпанного шкафчика, висевшего в ванной, коробку дешевого стирального порошка. Высыпала из нее сухой песок, набранный две недели назад в дворовой песочнице. И извлекла записную книжку Андрея Валерьяновича Голубева.

Да, она взяла ее на память. И привезла из общежития в съемную комнату. Вещественная память об Андрее спокойно лежала на дне шкатулки с нитками и пуговицами. Если бы Кирилл к ней не прицепился, там бы и осталась. Но он одержимо требовал «последний сувенир». А Голубев ничего не был ему должен. И не был виноват в том, что умер. Катя надежно спрятала этот кусок поразительного одиночества. Нельзя было развлекать им молодого любовника. Нельзя, и все. Тогда она еще не знала, что сдастся. А когда сдалась, ей легче было подделать книжку, чем отдать в руки Кирилла настоящую. Еще порвет или сожжет, ревнивец чертов.

Однако кусок поразительного одиночества, как выясни-

лось, был изготовлен Голубевым тем же способом, что и его копия Трифоновой. Ложные данные несуществующих людей скрывали один-единственный адрес. Неизвестно чей. Слова «Антон Каменщиков» оказались просто паролем. И кем бы ни был Кирилл, наследницей покойного Андрея и владелицей того, что было спрятано в вентиляционной шахте, являлась Катя. По справедливости. Она его хоронила. Она, истекшая слезами, уходила из квартиры, которая могла бы решить все ее проблемы навсегда. «Искусствовед» тоже не по закону обольщал ее, чтобы, раздобыв нужный адрес, предать. А не раздобыв, задушить.

Наверняка он выяснил у соседей Голубева, кто часто навещался к нему перед смертью. Участковая медсестра. Ринулся в поликлинику, в общежитие, послали в клинику. Там нашел добрых людей, показали Трифонову. Кирилл пас ее несколько дней, узнал про выгул Журавлика на собачьей площадке. А дальше закрутилось. Она честно любила. Он правдами и неправдами, то есть одними неправдами, мерзкой ложью, сволочь, подбирался к заветной книжке.

Катя не сомневалась, что заслужила удачу. Казалось бы, ты одна знаешь улицу, дом, квартиру, где в кухонном вентиляционном отверстии спрятан клад, или как там это называется. Трифонова, миленькая, беги туда, любыми способами проникай и доставай. Кирилл вон тоже действовал по обстоятельствам. Ты ему расселенный дом подсунула. А могла бы элитный с охраной, видеокамерами и распираемыми чув-

ством собственного достоинства жильцами, которых берегут еще и личные амбалы. Думаешь, его это остановило бы или хоть на миг смутило? Шевелись, Катя, пусть хоть кому-то в этой жизни повезет!

Но до свершений нужно дозреть. Одни быстренько набирают сок и цвет в благоприятных условиях. Другие из-за бедной почвы, недостатка воды, тепла и света развиваются медленно. Ботаника для младших школьников. Но ее курс прочно забывают уже к моменту изучения биологии. Сколько там натикало на жизненных часах небогатой одинокой девушки из глубинки, переселившейся в Москву? Семь лет и одиннадцать месяцев до Кирилла. Месяц, единственный сентябрь, который она все никак не могла проклясть, с ним. И еще пятнадцать до следующей любви, до Мирона Стомахина. Раз полюбила, значит, ожила. А ожившая Катя была способна на все. Ну, на многое. Итого? Девять лет и три месяца. Ничего себе. Она все между восемью и девятью выбирала. Пора, пора было готовить себе подарок к юбилею. Хронометр Кати не спешил и не отставал. Десятый год в Москве, и ничего толком не изменилось? Так не бывает.

Глава первая

1

Катя Трифонова стояла у ветхого окна – деревянные рамы в многослойных наплывах дешевой краски, стекла по периметру изуродованы отвратительной бурой замазкой. Да, эта квартира глядела во двор мутноватым оком старой заезженной проститутки. Она еще хорохорится, но уже и свежий макияж выглядит на ней, как позавчерашний. Сначала Катю физически тошнило, когда она опиралась на широченный, изгаженный еще больше, чем рамы, подоконник. Отчаянно думала: «Почему люди так обращаются со своим домом? Как смеют? Неужели лень вычистить стекла, ошкурить дерево, прежде чем красить? Что за принцип – лишь бы чистенько? Как насчет «красивенько»? Даром не надо, не то что за свои кровные? Хозяева, называется. Ладно, самим все равно, так ведь жильцов пускают, не стесняются. Потеряли стыд. А может, у них его просто никогда не было?» Но со временем даже непримиримая Катя привыкла. И теперь спокойно взирала на мир из окна. В конце концов, что важнее, он или оно?

А в нем густо и торопливо, будто извиняясь за опоздание, валились с ночного неба снежные хлопья. Они были очень

крупными и бесформенными. «Какие-то нереальные, бутафорские, – кривила узкие губы Трифонова, – пенопластовая стружка. Или из чего там их при современной химии делают? Хотя, пусть любые падают. Только бы все прекратили спорить, когда именно в Москве будет как в Сибири, а в Сибири – как в Африке. Надоело слушать – на каждом углу только об этом, единственная проблема в жизни. И ведь чем теплее зимы в средней полосе, тем упрямее предсказывают, что в ней заледенеет все и вся. Маньяки».

Сама Катя о погоде не разговаривала. Если очень доставали, отмахивалась:

– От меня ничего не зависит. Мне все равно, к чему приспособливаться. Были бы деньги на одежду.

– Ну ты даешь! – укоряли ее и гордо замолкали, чувствуя превосходство широты интересов над тупой ограниченностью.

А медсестра Катя вспоминала Анну Юльевну Клунину, своего первого участкового терапевта из своей первой поликлиники. В Москве тогда привычно лютовал грипп. И начальство велело кварцевать кабинеты посреди приема. Сколько лет прошло, но Трифонова до сих пор возмущенно содрогалась – на пятнадцать минут включай кварц, а ни одного талона в регистратуре не снимут, наверстывай потом как хочешь. Да еще объясняйся со злобной толпой больных, когда выходишь в коридор и направляешься подальше от них. Но что делать, заскакивали в комнату отдыха и пережи-

дали время. А потом совершали бросок обратно под ненавидящими взглядами пациентов. По мере приближения женщин в белых халатах очередь поголовно начинала шумно чихать, кашлять и сморкаться.

– Они это нарочно, что ли? – раздраженно шипела медсестра.

– Сигналят, что им не вмогуту ждать, – просто отвечала доктор. – Выражают эмоции доступным способом.

– Сигнальщики, тоже мне.

– Екатерина, они живые люди. Им плохо.

Катя не понимала, откуда у доктора столько терпения. Где-то же его черпают. Где? Вокруг сплошные психопаты, и все не слава богу.

Но однажды Анна Юльевна превзошла сама себя. Правда, не с недужными, а с молодой врачихой и ее помощницей. Те уже сидели в комнате отдыха и трепались об изменениях климата на планете в целом и на севере Москвы в частности. Увидев Клунину, врачиха безмятежно поинтересовалась:

– Когда еще была такая зима? Ни снежинки. Ни градуса ниже ноля. Анна Юльевна, вы живете давно. Случалось что-нибудь подобное на вашей памяти?

Доктор привычно сделала вид, что не заметила бестактного намека на возраст. Катя про себя одобрила ее сдержанность, но у самой кулаки зачесались. Ну не кулаки, не кулаки, язык. Очень захотелось сказать наглой твари, что Анне Юльевне немного за сорок. И выглядит она не старше своего

возраста. Но Клунина не одобрила бы перепалку медсестры с врачом, хоть врач и дура набитая. Видимо, свои боевые намерения Катя выразила детским сопением. Потому что Анна Юльевна усмехнулась и миролюбиво похлопала ее по руке. А потом ответила любознательной девушке:

– В тот год осенняя погода

Стояла долго на дворе.

Зимы ждала, ждала природа.

Снег выпал только в январе.

На третье в ночь...

– Ой, вы даже стихотворение в тему сочинили! – восхищалось одно будущее поликлинической медицины. А второе горько прошептало: – Только ночью третьего? И в Новый год может полить дождь?

У Анны Юльевны сделалось такое лицо, будто эти двое глумливо сожгли все, что она знала и любила, вместе с ее родимым домом. Но Клунина нашла в себе мужество и снова подала голос:

– Не я. Это написал Александр Сергеевич. – Вгляделась в собеседниц и тихо уточнила: – Пушкин Александр Сергеевич, коллеги. Поэма «Евгений Онегин», глава пятая. Но, кажется, это не важно. Я только хотела сказать, что погодные аномалии случались всегда.

– Надо же, – озадаченно протянули те хором. – Еще при Пушкине!.. Это в каком же веке?

– В девятнадцатом, – процедила сквозь зубы Клунина, развернулась и вышла из комнаты отдыха.

Катя метнулась следом, на ходу клянясь себе никогда ни с кем не обсуждать погоду. Ее тоже потрясло, что еще при Пушкине снег не выпадал до января. И что есть люди, вроде Анны Юльевны, которым это известно.

Она до сих пор ни разу не нарушила клятву, данную самой себе. И не собиралась. Неужели это и есть внутренняя жизнь, с которой так носятся умники, которую противопоставляют внешней? Всего лишь это?

Катя Трифонова растерянно зажмурилась и приложила лбом к холодному стеклу. Захотелось плакать, но слезы давно не являлись вовремя. Как снег. Как зима. Как все, что нужно для покоя, не говоря уже о счастье.

2

– Почему сумерничаешь? Глаза болят от ваших хирургических ламп? – раздался за спиной высокий девичий голос.

– Нет, конечно. – Трифонова неохотно перестала бодать стекло. – Фонарь же прямо напротив окна. И снег такой красивый. Засмотрелась.

– Ух ты! Действительно! А я сорвалась тебя искать и не заметила, что на улице творится. А там, оказывается, валом валит надежда на правильную русскую зиму.

– Мне бабушка в детстве запрещала смотреть телевизор.

Только пару часов в день издали. Правда, специально кресло отодвигала. Говорила: «Зрение испортишь». А теперь все часами в компы пялятся с тридцати сантиметров, и ничего.

– Кать, ты сейчас о чем?

– Да я все про свет в операционной. Тормоз же, сама знаешь.

– А-а, понятно. Ну так экраны стали другие, прогрессируем. Я хотела чайник поставить.

– Ставь.

– Мои планы резко изменились.

Щелкнул выключатель. Под потолком скуповато засветилась хозяйская энергосберегающая лампочка. «А ведь недавно говорили: «Вспыхнул яркий свет», – подумала Катя и наконец обернулась.

Перед ней стояла Александрина, ровесница, с которой они снимали квартиру. Ее жизнерадостность лучезарила на всю кухню, запросто побеждая и лампочку, и уличный фонарь.

– Ты так реагируешь, будто я возникла ниоткуда, – в тоне Александрины мешались кокетство и удивление.

Катя сообразила, что у нее опять непроизвольно поднялись брови. Это еще ничего, бывало, челюсть отвисала и застывала. Кажется, такое называется богатой мимикой. Но только ради самоутешения. Точное определение – идиотский вид. С подросткового возраста Трифонова очень старалась себя контролировать. Да только следить и уследить –

разные вещи.

– Просто я ожидала увидеть тебя в пижаме. Ты твердо сказала, что ложишься спать, – проворчала она.

– Нет, прежде чем раздеться, я заглянула в Фейсбук. И застряла, – объяснила соседка. – Кстати, один продвинутый френд говорит, что Сеть на ночь – это наша молитва на сон грядущий.

– А в чем его продвинутость-то? – заинтересовалась Катя.

– Ну... Как сказать... Все-таки молитва, обращение к богу... Побывать с ним вдвоем, забыв о мире... А тут мир во всей красе и безобразии... Смелость надо иметь, чтобы предпочесть...

Катя слабо улыбнулась. В Москве почему-то считали провинциалок без высшего образования поголовно набожными и воцерковленными. Принять, что давно надорвавшаяся от бедности и прочих тягот глубинка соблюдает обряды, но не верит ни в бога, ни в дьявола, москвичам не удавалось. Выслушав, принимали трагический вид, будто из их неизменной спутницы, пластиковой бутылки с жидкостью, только что вытрясли последнюю каплю. Катя несколько раз силилась развеять туман в чужих головах. Но вскоре решила, что просвещение столицы – дело неблагодарное, и замолчала. Думать о своем боге после смерти Андрея Валерьяновича Голубева она себе запретила. Ничего, кроме плаксивых упреков, в голове не возникало. Так зачем грешить лишний раз?

– Ты обиделась? – забеспокоилась Александрина.

– У вас, интеллектуалов, совсем крыша поехала. Сами себе определили темы для разговоров с людьми другого круга. Чуть вышли за рамки – оскорбили чью-то личность. Не церемонься со мной, ладно? Вот ты спрашиваешь, не обидела ли меня, и я сразу чувствую себя ущербной, – досадливо сказала Катя. Под конец ее непривычно многословного выступления соседка отступила на три шага.

– Кстати, специально для твоего продвинутого френда, – продолжила Катя. – Молитва называется «На сон грядущим», а не «На сон грядущий». Улавливаешь? Не сон приближается, а люди идут спать. Рекомендую заглянуть в молитвослов.

Только тут Катя заметила, что соседка готова выскочить из кухни. Но Александрина всего лишь хотела спросить, откуда у Кати, которой не было и тридцати, такая странная манера речи? Когда Трифонова высказывалась кратко и по делу, все было нормально. Зато монологи она выдавала слишком ладные, будто написанные кем-то, выученные, да еще и отрепетированные перед зеркалом. И начинались они с высокопарных обобщений: «У вас, интеллектуалов... Вы, аборигены мегаполиса...»

Катя была ее единственной знакомой медсестрой, однако вряд ли Катины заморочки объяснялись профессиональными особенностями. По соцсетям тоже не рыскала, хотя именно повторением чьих-то сложных пассажей и казались ее ва-

риации на отвлеченные темы. Читала книги, но без разбора, что под руку попадалось. И явно не цитировала авторов – даже самые глупые из них не были столь простодушны. Другая решила бы, что Катька выпендривается и попугайничает. Что в таких случаях делают? Перебивают, не дослушав. Двух-трех раз бывает достаточно, чтобы отучить человека разглагольствовать в твоём присутствии. Но Александрина окончила филологический. Она была уверена, что ее соседка говорит как думает. И уже полгода испытывала странный дискомфорт, когда молчаливая в общем-то Трифонова связывала больше двух предложений кряду. Александрина даже сформулировать претензии толком не могла. Но ей чудилось, что разговаривает она не с девчонкой, а то ли с мамой подружки, то ли с собственной преподавательницей. Ей было интересно. Но спросить в лоб, кто научил Катю так общаться, она почему-то не решалась. Призыв обходиться без церемоний гроша ломаного не стоил. Вон как уела неведомого ей френда, простушка.

Катя могла бы удивить ее банальностью разгадки. Она не болтала со сверстниками уже лет десять. И семья, в которой пусть и не употребляли молодежных выражений, но годами разговаривали ровно, была далеко. А близкими собеседниками стали люди, очень непохожие друг на друга. И влияли они на Катю одновременно. Женщины из общежития, независимо от возраста, трепались исключительно матом. Анна Юльевна, не задумываясь, обогащала речь медицински-

ми терминами и говорила на языке своих родителей – представителей столичной научной интеллигенции семидесятых. Андрей Валерьянович имел непосредственное отношение к уникальной секте московских книголюбителей. Эти в метро и дома по вечерам умудрялись проводить время с книгой и читали все доступные собрания сочинений.

Если бы Катя переняла чьи-то единственные речевые навыки, из нее вышла бы ядреная матерщинница, остроумная дама или виртуозная сказочница. Но ни в одном из стилей недавняя выпускница медучилища не чувствовала себя собой. Тут как раз случились тридцать три ее несчастья, и ей стало не до общения. А теперь, когда пришло время говорить с ровесницей, оказалось, что она использует диковатый набор чужих языков, потому что своего не знает.

Готовы ли были соседки к такой откровенности? Вряд ли. Поэтому хорошо, что Александрина не задала опасный вопрос, а деловито пригласила:

– Идем гулять под снегопадом? На бульвар. Или хоть на Патрики.

– Первый час, между прочим, – напомнила разумная Трифонова.

– И что? Мы же в центре! За что такую аренду платим? За возможность спуститься по лестнице в домашних тапках, открыть дверь подъезда, сделать десять шагов и оказаться на Большой Садовой! Ныряем в переход, и мы на Малой Бронной. Там полно народу, гарантирую. Тем более, сегодня пят-

ница.

– Суббота уже наступила, Александрина. Народ клубится возле заведений. Между ними пусто. И жутковато. Ты не замечала, что в темноте страшно, а в хорошо освещенной пустоте жутко? На бульваре совершенно безлюдно. На Патриках только безумные влюбленные и мрачные собачники. В Малом Козихинском почему-то всегда шатается пьяный иностранец. Может, один и тот же? Будто мало ты меня ночами таскала по здешним переулкам. Я все знаю.

– Соседство – это компромиссы! – напомнила Александрина, зачем-то погрозив пальцем.

– Да уж. Только не думай, что они – моя участь. Твоя тоже. Ладно, допустим, я одеваюсь и тащусь с тобой гулять. Ты будешь на прогулке молчать? Просто не раскрывать рот, и все? Нет, если кто-нибудь нападет сзади, можешь меня окликнуть. Будем отбиваться от злоумышленника вместе.

– О, спасибо, о, спасибо, Екатерина Всечестнопоровну!

– Да все, да, честно, да поровну, – не смягчилась Катя. – Люди норовят взять больше, отдать меньше. И это еще самые порядочные. Остальные только под себя гребут.

«Опять начинается, – напряглась Александрина. – Почему эта жрица служит медицине? Училка же типичная».

– Хватит нагнетать, – призвала она. И вдруг неожиданно для себя лягнула: – Ты почему-то забыла, что на другом конце спектра те, кто отдает все. Аскеты. Монахи.

– Они не на другом конце, они отдельно. Потому что от-

дать все можно раз в жизни. А отбирать – постоянно.

– Акт и процесс, – пробормотала обладательница университетского диплома. И опомнилась: – Не уводи в сторону, иначе мы никогда из дома не выберемся. Сдаюсь. Я с тобой не буду разговаривать сама. Вдруг твоя депрессуха заразна.

– Боишься инфекции, занимайся профилактикой. Чаще дыши свежим воздухом, больше ходи пешком...

Девушки посмотрели друг на друга и расхохотались.

А через десять минут импульсивная Александрина криком кричала уже в прихожей:

– Это невыносимо! Ты правда хочешь вывалить на Садовую в нейлоновых дутиках и куртке из интернет-магазина? Будто на окраине с собакой в лесополосу намылилась.

– Я здесь живу. Внизу распрекрасный снег уже превратился в грязные лужи. Сверху валит, как одержимый. А куртка с капюшоном, непромокаемая, – меланхолично отбивалась Катя. – Из тебя собака никакая, твоя правда. Ни одно животное не бродит в таком виде – шпильки длиной десять сантиметров, юбка – двадцать. Приехала снимать мужиков и, если никто не клюнет, успеешь в метро до часу?

– Высотой, моралистка чертова.

– Что высотой?

– Каблук, блин! Каблук высотой, юбка длиной! И не надо пошлых намеков. Я тоже живу здесь, в сердце нашей необъятной родины. И у меня, шикарнейшей, попросту нет синтетических лаптей и непромокаемой куртки. Есть длинное пальто,

его я надену. И возьму зонт. Зонт, а не капюшон – признак цивилизации. Когда ты усвоишь, наконец? В этом сезоне у меня гвоздевые вещи – юбка и сапоги. Они отпадные, таких ни у кого нет. Поэтому весь гардероб скромненько обрамляет главное.

– Александрина, твой отпад из сэкондхенда.

– И что? Вещи были с бирками, их никто не носил. Винтаж.

– Слушай, жертва маркетинга, можно назвать тряпки, которые не распродались еще двадцать лет назад, всякими словами. Винтаж. Или лежалый товар. – Катя вдруг сообразила, что говорит не то, не так. Откуда у соседки деньги на брендовое новье? Закруглилась: – Извини, я действительно не сильна в моде. Итак, наша легенда: мы обе здесь живем, поужинали и вышли проветриться перед сном.

– Э, нет. Ты поужинала дома жареной картошкой и соленым огурцом. А я – в ресторанчике в Спиридоньевском – ризотто. Встретились на углу и решили пройтись вместе, – мстительно поправила Александрина.

– Только не забудь, мы так далеки друг от друга, что разговаривать нам не о чем, – хихикнула Трифонова.

– Наговорились уже. Идем, наконец.

На улице девушки вдохнули запах мокрого снега, и обе поняли, что напрасно тратили время на болтовню. Город этой ночью умиротворял любых спорщиц тем, что просто был таким, каким был.

Александрина была человеком слова. Спросила, когда вышли из перехода: «По Козихе?» И больше ни звука не произнесла. Шагала рядом с каким-то мечтательно-презрительным лицом и размышляла о своем. «Стильная она, – думала Катя. – Горожанка до мозга костей. На весну раздобудет себе в неведомых подвальчиках другой гвоздь гардероба и так же спокойно и независимо почешет хоть по Лондону, хоть по Парижу, хоть по Нью-Йорку. Надо же, нет в Москве девчонок из спальных районов. Центр принадлежит каждой, и каждая ему внутренне соответствует. Не комплексует, не пыжится, не наряжается специально. Если наряжена и морда топором, значит, приезжая».

Катя вздохнула и скосила глаза на попутчицу. Александрина пребывала в себе, и ей там явно было хорошо. Трифонова поймала себя на том, что вообще не знает, как очутилась ночью в Большом Козихинском вместе с Александринной. То есть знает, конечно, но от этого происходящее не становится реальнее. Полгода они вместе снимают квартиру. Всего-то шесть месяцев. Но, с одной стороны, кажется, что всегда так жили. С другой, откуда взялась эта девица, зачем? Не понятно.

В позапрошлом сентябре, когда Катю Трифонову чуть не задушил любимый мальчик, а потом удрал, она терзалась од-

ну-единственную ночь. Мерещилось, что тумбочка, которой она загородила входную дверь, сама собой отъезжает в сторону. Баррикада из стульев, воздвигнутая под запертой дверью в комнату хозяйки, крупно трясется. Разложенные по подоконникам ложки, этакая сигнализация на случай входа злодея через какое-нибудь окно, валяются, но почему-то не гремят об истертый паркет, а беззвучно укладываются на него в рядок. И толпы невидимых убийц хаотично движутся по квартире и ждут, когда теряющая рассудок медсестра смежит распухшие веки. Даже в ночь смерти Андрея Валерьяновича Голубева ей удалось заснуть. Дух мертвого любовника не тревожил Катю. А дух живого таился по всем углам и в любую секунду мог нацепить на себя подлое тело и добить ее, бедняжку.

Но настало утро, мебель и столовые приборы оказались на своих местах и вели себя как им подобало. Мелкая шавка Журавлик, которого Катя, озираясь и стуча зубами, выволокла во двор, носился по нему кругами беспрепятственно. Соседи в подъезде вежливо здоровались. Люди по дороге на работу не угрожали ножами и пистолетами. Хирургическая бригада в клинике оперировала ювелирно, и через пять часов врач, сдирая маску, привычно улыбнулся: «Спасибо, коллеги, отработали безупречно». Путь домой показался только чуть-чуть длиннее, чем обычно. И опасностей на нем не встретилось.

Трифонова, радуясь, что добралась живой и невредимой,

покормила Журавлика, на дрожащих ногах обвела его вокруг трех мощных тополей в центре двора. Неслух ухитрился испачкать лапу в какой-то вонючей маслянистой лужице. На пороге квартиры он вывернулся из ошейника и бросился спасаться под шкаф. Катя ринулась за ним, кое-как извлекла из убежища и потащила в ванную мыться. А потом рухнула на диван и потеряла сознание. Назвать это мгновенное полное отключение сном было невысказано. Но через семь часов Катя не очнулась, а именно проснулась. Отчаянно взглянула на часы. Три. Господи, на работу не пошла... Как объяснить?.. Уволят – и правильно сделают. И тут краем глаза страдальца заметила, что в доме горит свет, а на улице темно. До нее трудно доходило, что сейчас ночь.

Катя пошла в кухню, выпила две чашки сырой холодной воды. Все окна в квартире были приоткрыты, дверь захлопнута, но не заперта. И ничего. И никого. Только она и перепуганная собачонка, которая на радостях лизала ей то руки, то ноги. Так и не начав соображать, Катя завела будильник, достала одеяло и улеглась на то место, с которого недавно вскочила.

Утром она пробудилась по звонку. Первый раз в жизни в ней клокотало горячее веселье. Даже беспокоилась, вдруг умом тронулась? И потом еще целую неделю Катя ликовала без устали, хотя говорят, что сильные положительные эмоции выматывают не меньше, чем отрицательные. Да, она испытала страх, боль, унижение и ничем, никак не переда-

ваемое чувство обреченности, беспросветного, бездыханного конца. Жутчайшее осознание: все всегда получалось глупо, стыдно, зря. Неправильны и отвратительны были каждый вдох и выдох, жест, движение, слово, мысль. Ничего нельзя исправить, нужно начинать заново, совсем по-другому. И не начнешь, проклятые чужие руки на шее не дадут. Но ведь вырвалась, осталась жива. Заплатила полную, честную цену за грандиозный, единицам во все времена дающийся шанс забрать из тайника клад. А как иначе? Неужели остались на свете дураки, которые ждут бесплатного чуда?

Не случись превращения молодого нежного любовника в жестокого бандита, Катя никогда не узнала бы, что Андрей Валерьянович Голубев спрятал нечто интересное в доме какого-то Антона Каменщикова. Что само это имя – пароль. Какой бы адрес под ним не значился, в квартире хранились деньги. Катя почему-то была уверена, что в вентиляционной шахте на прочном крюке висит узкий и очень длинный брезентовый мешок, набитый долларами, евро, рублями. Нет, пусть вместо рублей будут английские фунты или швейцарские франки.

Тугие пачки самых крупных купюр ждали ее, именно ее. Ведь почему-то захватила она на память об Андрее записную книжку, хотя уже выяснила, что все, чем она напичкана – выдумки одинокого старика. Она могла бы свихнуться от любви и отдать увлеченно трахавшему ее мерзавцу настоящую книжку, а не подделку. Обнаружив деньги, он исчез

бы навсегда. И она до сих пор ломала бы голову, что случилось с ее мальчиком. Но самым неприятным представлялся вариант, что охотник за кладом Голубева не нашел бы похоронившую старика девушку. Она таскала бы свой убогий сунит от Андрея из одной съемной дыры в другую, пока однажды просто не забыла бы при переезде в чужой тумбочке. И лишилась бы всего.

Но судьба была за нее. Потому что Андрей не оставил ей квартиру. Хотя он не собирался в одночасье умирать от инфаркта. Просто не успел жениться на Кате или написать завещание. Вдруг его душа видела ее муки и тоже мучилась? Вдруг он нашел способ возместить ей потерю? Может, когда тело больше не мешает, не отвлекает, у души появляются невероятные возможности? Вот бесплотный Голубев и взялся исправлять свою главную ошибку, руководил всеми, добивался справедливости. А иначе его в рай не пустили бы. Шутка ли, обездолил бездомную девчонку, пусть и не со зла, случайно. И ведь сторицей воздал. Теперь, когда она доберется до мешка, сразу купит роскошный пентхауз в Москве, потом где-нибудь в Европе и Америке. И машину. И загородный дом. Ой, чуть не забыла, надо родителей и бабушку обеспечить. Маме так нравятся колечки с бриллиантами...

Семь дней Трифонова приобретала все подряд, отказывалась от чего-то, снова решала, что без этого не жизнь. Она мысленно обставила сотню жилищ, разбила с десятков садов и загнала в свои гаражи несчетное количество автомобилей.

Трижды объехала мир, вернулась в Москву в горностаевой шубе до пят, и ее встретил у трапа самолета не принц, кому нужен изнеженный юнец, но обаятельный и серьезный король лет тридцати пяти от роду. У нее не осталось неудовлетворенных потребностей, желаний и капризов. Тут Катя словно протрезвела и сообразила, что как была в аду, так в нем и жарится. И вряд ли выберется оттуда без хорошего психиатра. До нее дошло, что бандиты не смиряются с потерей денег, которые она мысленно с упоением тратила. Что только ее глаза видели записную книжку Андрея, только ее уши слышали его. Эти уроды еще доберутся до единственного источника информации, еще вытрясут из него правду. Заманят в очередную ловушку. Но, скорее всего, не будут больше церемониться. А она-то размечталась, идиотка. Под лукавым прикрытием фантазий страх обернулся ужасом, жутью, круглосуточным кошмаром. Избавиться от него было невозможно.

Началось все с физиологии. Катю терзало горло. Оно саднило постоянно. В нем обосновался какой-то рыхлый ком, и его не получалось ни откашлять, ни сглотнуть. Попытки протолкнуть это нечто вниз привели к тому, что Катя вообще не могла глотать. Кое-как вливала в себя понемногу теплого бульона и чая, стараясь делать это редко, когда от голода уже мутился рассудок. Ее накрывала паника даже при легком прикосновении к шее. Она перестала носить водолазки, потом блузки с воротником. А потеряв мыльной губкой место,

на которое давили пальцы уроды, тут же включала холодную воду. Только такой душ предотвращал обморок в ванной.

Потом она перестала спать. Часами лежала в темноте в постели и расшугивала мысли о том, что до нее обязательно доберутся и убьют. Даже если она отдаст настоящую записную книжку Голубева, все равно в живых не оставят. Как только в голове начинала шевелиться и обретать словесную форму уверенность в дурном конце, она заставляла себя думать: «Завтра, об этом завтра». Или, наоборот: «Вчера, это уже было вчера». Часов в пять утра силы иссякали, и Катя проваливалась в чуткое забытье. Будто сиганула с разбега в горную пропасть, надеясь отдохнуть, пока летит до твердого дна пробуждения, а упала в неглубокую, тесную, скользкую и грязную яму.

Затем Кате стало казаться, что за ней следят. Она не боялась дворов, подворотен и подземных переходов. Все было гораздо хуже. Любой мужчина, остановивший на ней взгляд, доводил несчастную до иступления. Она с невероятным трудом гасила потребность вцепиться в фонарный столб, ручку ближайшей двери, а то и просто свалиться на асфальт и заорать: «Помогите! Спасите!» И еще повадилась часто оглядываться. Если встречалась глазами с прохожим, мигом срывалась в неровный бег, что в многолюдье было чревато. Усугубляло пытку то, что на высокую тоненькую натуральную блондинку хоть мельком смотрели почти все. Образование Трифионовой было, конечно, средним, а не высшим. Но

представление о маниях она имела. Им в училище читали доступный курс психиатрии. Напирали на то, как медицинской сестре на глаз и слух определить, что пациент неадекватен. Дальнейшие рекомендации исчерпывались фразой: «Заметив эти симптомы, немедленно позовите врача».

Как бы она хотела это сделать. Но рассказать о своих мытарствах без утайки даже специалисту не получилось бы. Умерший от инфаркта престарелый любовник, странная записная книжка, молодой любовник, раздобывающий единственный адрес из нее, несметные деньжищи в вентиляционной шахте, попытка удушения... Катя могла поклясться, что не лжет. Психиатр мог поклясться, что такое частенько случается в больном воображении. Только она не могла поставить его на учет, а он обязан был это сделать, раз уж сама обратилась. И лечили бы ее не от страха, а от правды про любовников, таинственного Антона Каменщикова и кладов.

Тут судьба вновь подсуежилась. Фаталисты доподлинно знают, что она использует всего два приема. Первый – довольно грубый: взять тебя за шкуру и протащить через любые испытания, как ни вырывайся и ни моли о снисхождении. В этом случае надо сохранить здоровье и силы, иначе надорвешься и умрешь слишком рано, так и не поняв, зачем мучилась. Поэтому не рекомендуется отчаянно сопротивляться. Второй прием более изощренный: судьба протягивает тебе руку. Можешь схватиться за нее, можешь оттолкнуть. В обоих вариантах пеняй на себя.

Для Кати верхней конечностью жестокой иллюзорной дамы стал очень симпатичный парень. Однажды медсестра пришла с Журавликом на собачью площадку во внеурочное время и обнаружила там рослого стройного молодого человека. Он увлеченно гонял за мячиком юного пятнистого охотника и обрадовался Кате и ее дворняжке с особой искренностью, как радуются только приятным сюрпризам. То есть понятно было, что Журавлик лишь повод для знакомства, а девушка – сюрприз. Место выгула за надежной металлической сеткой Катю не пугало. Вряд ли те, кто подбирался к деньгам Андрея Валерьяновича Голубева, второй раз подослали бы сюда мерзавца, чтобы охмурить Трифонову. Если у них фантазии хватало только на это, то и бояться их было глупо. Поэтому она расслабилась и выслушала длинную историю покупки щенка в Финляндии. Панегирик его редкой породе. Потом еще один, еще... Робкий комплимент Журавлику. И, наконец, признание: мальчик уже давно разговаривает со всеми только о своей собаке, а с Катей вдруг захотелось поболтать обо всем на свете.

– А ты уже купил щенку комбинезон на зиму, на морозы? – Катя не сумела быстро перестроиться.

– Бабушка обещала сшить из своей старой каракулевой шубы, – отмахнулся он, действительно потеряв интерес к зоологии. – Ты согласна общаться на площадке? Только становится холодно, придется бегать с питомцами, чтобы не мерзли. Как думаешь, нам обоим не повредит отдохнуть от

хозяйских обязанностей за горячим кофе в хорошей кофейне?

Общежитские девчонки, храбро воевавшие с судьбой, которой на самом деле не были нужны, учили, что необходимо тянуть время и каяться в том, что не москвичка, как можно позже. Дескать, зацепи, обаяй, соблазни, а потом уж рискни под страстный поцелуйчик. У Трифоновой возник шанс попробовать. Но заботливая бабушка, которой не жалко было ни истертого меха, ни времени на кройку и шитье ради собачки любимого внука, ее добила. Катя чуть не крикнула: «Я приезжая!» Смотрела в приятное молодое лицо и будто видела, как оно скучнеет, как убегает взгляд. Будто слышала, как здоровые розовые, а не привычные сероватые или синеватые губы произносят: «Да, лучше не торопиться с кофе». Она сдержалась. Даже улыбнулась ему. И сказала:

– Извини, мне пора на работу, в клинику. То есть уже опаздываю.

– Я слишком поторопился? Но мы ведь еще увидимся здесь? – всполошился он.

– Разумеется. Выгулы никто и ничто не отменит.

Катя подозвала Журавлика и ушла. Она знала, что больше они не встретятся. В Москве ведь это просто. Выбралась из дома в определенное время и за пять минут зорко углядела несколько знакомых собачников. Кому-то кивнула, кому-то помахала, к кому-то присоединилась на площадке. А выйди на полчаса раньше или позже, собачники и собаки будут со-

всем другие. И так с утра до ночи. Иногда жутко становится. Не сообразишь, по своей ли улице ведешь Журавлика. И сколько же в этом городе людей и животных.

В общем, оттолкнула тогда Катя руку судьбы. А ведь бабушке не возбранялось жить в любом городе, парню – снимать квартиру. Не исключено, что в его семье неизбалованные провинциалки котировались выше разборчивых москвичек. И даже превратись он на ее глазах в равнодушного владельца импортного элитного щенка, свежая обида могла разбавить неприятные воспоминания о нападении Кирилла. Но на нет и суда нет.

И медсестра Трифонова изредка питалась бульоном и чаем, все время совершала заметные глотательные движения, рвано спала с пяти до шести утра, ходила с голой шеей даже в мороз, каждый день дрожала под ледяным душем, паниковала на улице, плохо соображала и общалась с людьми двумя словами – «да, нет». Она очень похудела. Кожа, через которую и раньше просвечивали все жилки и сосуды, теперь казалась не белой, а прозрачной. И не казалась, а была сухой и шершавой. Волосы, сколько ни мой их, как ни бодри кондиционерами, висели хилыми ноябрьскими сосульками. Светло-голубые глаза выцвели, как застиранное хозяйственным мылом бельишко. Да еще и утратили какое-либо выражение, будто у слепой. Голос постоянно срывался: было очевидно – девушка вот-вот зарыдает.

При этом на работе никто не осмеливался спросить, что с

ней творится. Потому что трудилась Катя как-то до предела пределов сосредоточенно и вдохновенно. Держала наготове нужный хирургу Серегину инструмент еще до того, как он его просил. На перевязках чудилось, что марлевые накладки и бинты отслаивались от ран и ложились на них по мановению ее длинных худых пальцев, а не при их участии. Иголки попадали в вены, не говоря уж о мышцах, будто сами собой. Ее чуть виноватая полуулыбка и легкие кивки вместо ответов почему-то воспринимались больными с нежностью и благодарностью. Похоже, только они чувствовали, что Кате гораздо хуже, чем им, что она при смерти, но вот ведь терпит, исполняет то ли долг, то ли ритуал, борется. И, черт возьми, у пациентов улучшалось настроение при виде явно-го страдания медицинского работника.

Долго продолжаться это не могло. И тут не самой удачливой Кате Трифоновой в кои-то веки повезло. В частной клинике старались без нужды не тасовать хирургические бригады. Вернее, могли себе это позволить. Опытные доктора не ассистировали друг другу, этим занимались молодые, которым начальство велело учиться даже во сне. Одна медсестра подменяла другую на операции не своей команды только в исключительных случаях. Запрет болеть, в отличие от запрета курить, в договоры с персоналом включен не был. Но подразумевался еще на собеседованиях. В общем, хирург Серегин должен был отправиться выступать на международную научную конференцию. А потом то ли стажироваться,

то ли, наоборот, проводить мастер-классы в Израиле. В таких случаях его помощники, даже неустанно совершенствующиеся ассистенты, уходили в отпуск на две недели. Мероприятия планировались заранее, еще в начале года всем выдавали распечатанный график. Но на сей раз Катя о нем забыла, поэтому восприняла обещание Серегина увидеться в следующем месяце как чудо.

Впервые за несколько месяцев она словно летела домой поверх голов прохожих. То есть внизу на автопилоте брело под завязку налитое усталостью и отчаянием тело. А сверху трепыхался легкий воздушный шарик, почему-то молочно-желтый, который и был Катей. Да, бесчувственная плоть держала его за ниточку. Но, как же иначе, ведь он хотел свободы, он мог вырваться и пропасть в радостном одиночестве, эгоист. Это было несправедливо по отношению к... ниточке. Катя твердо знала, что ниточка пострадать не должна. Так она добралась полным набором – биоробот, привязь и надутая резина странного цвета.

Едва закрыв за собой дверь, Катя смогла собрать себя в кучу. В тенетах сотового забила эсэмэска от квартирной хозяйки: «Позвони срочно». «Позвони и заплати, – скривилась Катя. – Простота не хуже воровства. Она и есть воровство чужих нервов и времени». Но отчего-то сразу ткнулась в контакты.

– Екатерина, мы с сестрой возвращаемся послезавтра утречком! – низкий голос ввинчивался в ухо, как саморез

под отверткой. – У тебя только до этого срока и заплачено. Сдавать-то комнату я больше не могу, она в ней будет бедовать. Так что придется тебе съезжать. Ты меня слышишь, Екатерина? Чего молчишь?

– Слышу. Все поняла. До свидания, – почти шепотом сказала Катя. И растерянно обратилась к крутившемуся рядом Журавлику: – Ну что, возвращается твоя хозяйка, разбойник. Как говорится, не прошло и года, дождался.

Она осеклась. Старуха-то возвращается, собака-то дождалась, а что делать жилище? Разве можно за два дня снять комнату? В сущности, ей приказали выметаться. Нормально. То есть чудовищно. То есть прекрасно. Катя вдруг осознала, что ненавидит эти стены, двор, тротуар вокруг. Только Журавлик, бросившийся грызть подонка и заставивший его ослабить хватку, был дорог ей.

«Дрянная баба, – подумала Трифонова. – Могла бы предложить на раскладушке в кухне ночевать за деньги, пока что-нибудь не найду. Все делают как себе удобно, а другие пусть отдохнут и сами всегда будут в своей гибели виноваты».

Катя растерянно застыла посреди комнаты. Простонала: «Не могу я больше». И снова повлеклась в кухню, неприязненно думая, что это мотание туда-сюда не является ни жизнью, ни смертью, но гробит минуты, часы, дни. Пошарила рукой в дальнем углу навесного шкафчика, вынула стограммовую плоскую бутылочку с коньяком. Дешевка, конечно, но изображение медалей на черной этикетке несколько успока-

ивало. Катя перелила коньяк в стакан, намереваясь выпить залпом, но и глотка сделать не успела: от своеобразного запаха лоб покрылся испариной, а внутренности едва не вывернуло наизнанку. Трифонова отчаянно дышала ртом, пока спазмы не прекратились. Быстро выплеснула пойло в раковину, ополоснула стакан. Воду оставила течь, чтобы смыла все до последней капли. Завинтила крышку на миниатюрной баклажке. С размаху швырнула бутылочку в мусорное ведро. И принялась за Анну Юльевну Клунину:

– Ох, доктор, доктор... Ведьма настоящая. Отвадила навсегда от спиртного, да? А как мне теперь спастись, когда невоготу? Как избавляться от этого проклятущего страха? Я уже полгода не сплю. Мне бы только напиться, забыться и выспаться. Один раз, разок, разик...

После смерти Андрея Валерьяновича Голубева Катя начала прикладываться к бутылкам. Анна Юльевна заметила и прикрикнула: «Не смей!» Трифонова, считавшая, что после пережитого имеет право на все, могла бы ее не услышать. Подействовали тогда не слова, а взгляд и тон Клуниной. Будь они осуждающими или грозными, Катю, которая уже всю начала заигрывать с алкоголем, не проняло бы так. Но доктор смотрела и говорила брезгливо. Не презрительно, не свысока. Не гадливо. А именно брезгливо, когда люди все еще рядом, бок о бок, но один другому уже отвратителен.

То ощущение Катя до сих пор испытывала в ночных кошмарах. Абсолютная уверенность, что доктор сейчас развер-

нется и уйдет, а ее медсестра навсегда останется одна на целом свете. Потому что неизбежно кинется к другим, и они тоже брезгливо скривятся и зашпешат прочь. И винить будет некого, кроме себя. Ей самой были противны нажравшиеся в хлам девчонки из общаги, то канючившие, чтобы их жалели, то агрессивно бросавшиеся на тех, кто жалел. Любая думала, что остальным нужно воздержаться. И только у нее по-настоящему убийственные обстоятельства, только ей не можно, а нужно, чтобы не сдохнуть, и простительно. Катя тогда взяла себя в руки. А сейчас упрямо бросила в стенку:

– Я ведь не собиралась напиваться. Самую маленькую емкость купила сто лет назад. Хорошо же, Анна Юльевна! Вы лишили меня доступного релаксанта, вам и советовать, что мне делать. – Она вдруг почувствовала, что невероятная тяжесть в ней будто шевельнулась, приподнимаясь. Замерла в безумной надежде на облегчение. Потом горько вздохнула: – Нет, просто улеглась поудобнее, сволочь. Ее не выгонишь, не вытравишь. Только взорвать к чертовой матери. Но чем?

Катя посмотрела на часы. Рабочий день врачей-терапевтов давно кончился. С тех пор как Трифонова стала операционной сестрой, виделись они редко. Но Катя неизменно звонила доктору на сотовый и поздравляла с каждым праздником. Раньше, чем маме с папой и бабушке звонила. А по личным делам первый и последний раз беспокоила Анну Юльевну, когда стояла над трупом Голубева. «Предпоследний», – усмехнулась она и коснулась экрана.

– Добрый вечер, Екатерина, – раздался знакомый, всегда чуть насмешливый голос. – С отпуском тебя.

– Здравствуйте. Спасибо. Мне так надо с вами поговорить. Я... э...

Катя вдруг сообразила, что не может объяснить причину звонка. Чего она хочет? Поблагодарить Клунину за то, что не дала спиться? Или упрекнуть в этом? Но свои родные доктора на то и существуют, чтобы выручать забуксовавших в глине нерешительности медсестер.

– У меня после работы было одно мероприятие. Так что я еще в окрестностях клиники. И где-то минут через двадцать проеду твою станцию. Могу выйти. Подбегай, если дома, – сказала Анна Юльевна. И, совсем как в их поликлиническую бытность, добавила: – Стой возле турникетов, я поднимусь и дам тебе карточку.

У Кати была и своя карточка, и деньги на ней. Она уже могла в кафе доктора пригласить, если бы та согласилась. Но забота Анны Юльевны растрогала до слез. И, вместо того чтобы завопить «бегу», она просипела:

– Я сама войду, мне все равно потом к знакомой ехать. Вы в каком вагоне будете?

– Ближе к концу.

– Я уже собираюсь, Анна Юльевна. Вам не придется меня ждать.

Вскоре Трифонова быстро шагала по улице. Она не обращала внимания на глазающих мужиков. Ее уже сто раз могли

разрезать на куски. И еще сто раз смогут. Но неизвестно когда. А бездомной она окажется уже послезавтра. Надо было задать Клуниной главный вопрос о смысле жизни. И бежать к компю, искать всю ночь варианты. Ибо с утра придется обзванивать агентства и владельцев. Господи, опять. Сначала теряешься от огромного числа предлагаемых к сдаче закутков. Потом начинается. В объявлении написано, что комнаты изолированные, а они смежные. Тебе, разумеется, предлагают проходную с условием, что хозяева будут смотреть в ней телевизор. Или выясняется, что две комнаты из трех уже снимают психически неустойчивые личности. И надо поладить с ними кровь из носу, чтобы не выжили тебя из комнаты, как шестерых твоих предшественников. А пять минут пешком до метро, которые оказываются пятьюдесятью, классика жанра. Потом уже по мелочи – откуда-то до работы доберешься только круглыми путями за два часа. Куда-то въехать можно не раньше чем через три месяца. Где-то хозяин – одинокий возбужденный маньяк с сальной рожей. За вполне приемлемые квадратные метры требуют залог и чуть ли не годовую оплату вперед. А еще некоторые желают, чтобы постояльцы оплачивали коммуналку и за себя, и за них. Есть любители навесить на жильцов одной комнаты уборку всех помещений и балкона, на который запрещают выходить. В общем, хорошо, если останется два места на выбор.

Катя невольно снова вернулась мыслями к своей квартирной хозяйке. Свежая обида была весомее, чем прежние

тухлые. Безответственная девица могла бы спалить эту тесную нору и уйти. Потерять или отравить Журавлика, чтоб не мешал. Взломать закрытую комнату, поселиться в ней, а свою сдать. Обокрасть богатых соседей и исчезнуть. Устроить наркопритон. Да, и проституток сюда побольше. Связаться с лихим парнем, мастером по изготовлению фальшивых документов, и загнать жилплощадь каким-нибудь придуркам. А она? Переводы отправляла день в день. Счета оплачивала регулярно. Собаку выгуливала. Ни одной деревяшки не поцарапала, чашки не разбила, цветка не засушила. Пыль в доме не копится, занавески не прокурены, сантехника ни разу не ломалась, холодильник не тёк. И вместо спасибо – пошла вон. Да пойдет, куда денется, знает, хозяин-барин. Право собственности свято. Но неужели нельзя по-человечески, то есть заранее предупредить? Когда же все эти твари нарвутся на тех, кто покажет им кузькину мать? Только ведь не поймут, за что страдают. Бога затеребят. Волки в овечьих шкурах, а не люди.

Трифонова наконец спустилась в подzemку. Клунина на ее глазах вышла из расцвеченного изнутри летними пассажирами вагона. Все такая же серьезная, усталая, миловидная. Кто понимает, залюбуется. Двинулась к скамейке и встала рядом. Суеты в ней не было ни на грош. А вот энергия чувствовалась. Катя ускорила, будто на прием в поликлинике опаздывала:

– Ой, Анна Юльевна, какая вы рождественская!

– Приветствую, Екатерина. В смысле?

– Долго объяснять. Прекрасно выглядите.

– Можно я не буду дурой? Глупо делать ответный комплимент девушке, которая вдвое моложе. Как дела, Катя?

– Хозяйка достала своими фокусами, – неожиданно ляпнула медсестра и прикусила язык. Досчитала до трех и спросила: – Я не из-за этого звонила. Анна Юльевна, что надо делать для самосохранения, а?

– Екатерина, что стряслось?

– Ничего особенного. Хочу кое от кого отделаться.

– Надеюсь, не от хозяйки?

– Доктор, мне не до шуток.

– Слишком много пообещала не тому мальчику? – в голосе Клуниной послышалось облегчение. Она даже улыбнулась: – Самосохранение, Кать, обеспечивают всего две линии поведения: делать то, чего от тебя ждут, и делать то, чего от тебя никто не ожидал. Нехитрый набор. Самое трудное в жизни – определить, когда выгодно одно, а когда другое.

– Доктор, вы гений. – У Кати сделался отсутствующий вид.

Анна Юльевна отлично его помнила. Сказала, не очень надеясь быть услышанной:

– Не зависай тут, а то останешься без кошелька и паспорта. Или поезжай к своей знакомой, или ступай на воздух. До свидания.

Она шагнула в сгустившуюся при виде поезда толпу.

Катя медленно поднялась и направилась к лестнице. В их семье бабушка с мамой делали две грандиозные уборки. На Пасху в доме воцарялась особая строгая чистота. Она пахла выпечкой и звучала каждой отмытой стекляшкой, каждой натертой мастикой дощечкой. И раньше Трифонова думала про Клунину: «Пасхальная женщина». В Рождество было так же чисто, но не так строго – елка, лампочки, мишура. Вот Катя и назвала сегодня доктора рождественской вслух. Та, перестав бегать по участку, освоившись в высокой зарплате, начала делать прическу и носить каблуки. Всего-то и надо было, чтобы стать заметной.

Анна Юльевна тоже думала о Кате. Девочка потеряла внешнюю индивидуальность. Из стайки молодых москвичек уже не выделишь. А говорит, как прежде, загадками. «Вы такая рождественская»... И думай, что имела в виду. Лучше бы было наоборот. Но она явно продолжала делать все, чтобы ей жилось как можно труднее. Что с ней будет дальше? Продолжит взрослеть, как все. И уже не пропадет, это доктор Клунина чувствовала остро.

Трифонова и не собиралась. Кем же надо быть, чтобы сидеть в квартире, где тебя чуть не задушили? Но Анна Юльевна права, этого от нее никто не ожидал. Думали, на следующий же день и след этой убогой простыл. Сбежала. Куда медсестры бегут из убогой комнатухи? В такую же в длиннющей многоэтажке. В Новой Москве? В Подмосковье? А она найдет комнату в центре. Или, наоборот, убийца в курсе,

что жертва не тронулась с места. Значит, ей действительно нечего скрывать. Потом вернулась старуха, то есть целых две старухи. И девицу выставили. Тогда эта кретинка двинула в Новую Москву? В Подмоскovie? А она, правильно, найдет комнату в центре. И ни одна сволочь ее не выследит, уж потеряться в метро легче легкого, когда тебе давно не нужно читать указатели.

Эйфория грядущих перемен начала ослабевать – Трифоновой снова захотелось жалеть себя и выть. «Мне необходимо есть хоть что-нибудь, мне силы нужны», – подумала она. И зашла в супермаркет. Купила минералки, сока и несколько баночек детского пюре – овощного, фруктового, мясного. Она надеялась, что сумеет заставить себя глотать это протертое нечто. Оказалось, что еда для младенцев очень дорогая. И кто-то еще удивляется, что люди мало рожают. Произвести на свет легко. А вот прокормить при таких ценах не каждой удастся. Про одеть, обуть, выучить даже задумываться было страшно.

Вернулась домой, накормила Журавлика, опасливо съела яблочное пюре. Действительно, желудок такая пища не напрягла. Но гадость была редкостная. Как сказал один пациент, впервые отведав диетической каши: лучше смерть. И все-таки Катя была уязвлена. Медик, называется! Не догадалась попробовать что-нибудь кроме бульона! В ознаменование избавления от ненавистной жидкости Катя вывела пессика гулять. У нее было странное состояние. Казалось, что

она сутки двигала мебель или вскопала огород. Плечи болели и не желали расправляться. Ноги и руки немного дрожали. Типичная усталость. Но ведь она ничего не делала, только психовала и ела. Стоять во дворе, а потом ловить резвого хулигана было неважготу. И Катя повела его по улице, обсаженной тополями лет шестьдесят назад.

Вскоре она озадачилась и сообразила, что заглядывает в арки, ища укромное, но не очень темное место, где можно пересидеть ночь, даже вздремнуть до рассвета. Пространство было знакомым. Вон справа скамейка в дворовом тупичке. А слева маленький скверик с давно не работающим фонтаном. Катя знала, что Анна Юльевна приютит, не успеет она найти кров. Девчонки в общаге что-нибудь придумают из солидарности, даже если ни одной знакомой там не осталось. Но Катя ни с кем не собиралась объясняться. Никого не хотела просить. На крайний случай оставался какой-нибудь хостел. Только у нее возникла потребность в настоящей бездомности. Ночь на улице была бы пиком ее мытарств. Да, преодолимым, не гибельным. Но после него должен был наступить перелом не в судьбе, не в обстоятельствах, а в самой Кате. Ее истерически занимало, какой она будет наутро.

К концу прогулки Трифонова сникла. Центр Москвы – средоточие блеска, шика и простора. Разве богачи сдают чуланы в роскошных квартирах? А если вдруг мрачные извращенцы занимаются этим, то за какие деньги? От тошнотворной правды несчастная медицинская сестра лишилась остат-

ков воли. Добравшись до своей постели, она не включила компьютер. Стоило ли мудрствовать лукаво, выбирая по заведомо неверному расчету? Утром зайдет на сайт в «аренду комнат» и будет звонить по всем номерам подряд. Ей было все равно, куда перебираться. Но даже при такой неразборчивости снять жилье за день не удастся. Сон грубо шваркнул ее тяжелым кулаком по затылку, крошив остатки мыслей в салат. И всю ночь Катя пыталась разобраться, из чего именно он сделан.

Разбудила ее привычная мелодия. Катя нащупала телефон возле подушки и решила, что ей снится звонок Анны Юльевны. Но голос-то чудиться не мог. Слуховых галлюцинаций у Кати не было даже в моменты полного отчаяния от бессонницы и бескормицы.

– Екатерина, ты еще не угробила хозяйку, я надеюсь? И не пытайся. Дочь моей подруги ушла из дома и сняла квартиру. Но платить одной дороговато. Мать решила, что надо подсуется и найти ей хорошую компаньонку, пока она сама не нашла плохую. Я сказала, что ты вредная, но порядочная. Ее больше впечатлила твоя профессия. Так что медсестра – это звучит гордо. Тебя интересует такой вариант? Тебе нужно больше общаться с ровесницами, а то, как я догадываюсь, с пенсионерками не складывается.

– А где квартира? – обалдело спросила Катя.

– По-моему, на севере.

– А когда можно переехать?

– Насколько я поняла, чем быстрее, тем лучше. Прислать эсэмэску с номером? Свяжись, поговори с девочкой, от тебя не убудет.

– Да, пожалуйста, доктор, миленькая... Вы ведь прямо сейчас пришлете? Я не знаю, как вас благодарить. Вы не представляете, что вы для меня значите! – Трифонова впервые за годы в Москве утратила свою вяловатую сдержанность.

– Ты на что попало-то не соглашайся, – немного испугалась ее реакции Клунина. – Расспроси, посмотри, обмозгуй, что называется.

– Анна Юльевна, еще секундочку, только один вопрос, – молила Катя, что было вообще из ряда вон. – Мне очень нужно переехать и очень срочно. Я не знала, как успеть. И тут ваш звонок. Скажите, это бог обо мне вспомнил, да? Или просто так повезло?

– Катя, успокойся. Полагаю, дело в социальных сетях. Я вчера зашла в Фейсбук, а в ленте клич заботливой матери. Я вспомнила, что ты первым делом емко ругнула свою квартирную хозяйку. Потом меня насторожило слово «самосохранение». Какое-то оно не твое. Я связалась с подругой. Вот и все.

– Спасибо, доктор.

– Не за что. Лови номер и не унывай.

Через минуту Катя выстукивала цифры на экране. Гудок, гудок, гудок... Потом:

– Слушаю, говорите.

– Привет. Я Катя. Трифонова.

– Отлично.

– Мне номер дала Анна Юльевна, мой доктор...

– А почему она ко мне своих больных направляет?

– Нет, она не в том смысле доктор, что я больная. Насчет квартиры...

– Уже понятнее. Вы от моей мамы?..

– Нет, я маму не знаю, с ней дружит Анна Юльевна.

– Ваш доктор?.. Во-первых, давай на «ты». Во-вторых, я уже запуталась. Согласна платить пополам?

– Это сколько?

– Двадцать пять тысяч. Плюс три с небольшим коммуналка. Потянешь?

На шесть тысяч больше, чем сейчас. Это грозило ужесточением и без того не ласковой экономии. Но читать десятки объявлений и испытывать одно разочарование за другим было невыносимо. Думать о сосуществовании с хозяйкой-пенсионеркой тоже. Клунина права, хватит с нее старух, которым жить охота, но не на что и незачем.

– Согласна, потяну. Где именно квартира? Север Москвы большой.

Собеседница рассмеялась:

– Тайны хранить умеешь? От своей Анны, как там ее по батюшке? До мамы не дойдет? Я, если честно, немного путаю следы. Боюсь, родители меня не поймут, если узнают, где на

самом деле сняла. Они у меня такие... Не буржуазные. Или тебе конкретно на севере удобно?

– Могила! – воскликнула Катя. – На север плевать с десятой вышки. И знаешь, я тоже очень постараюсь, чтобы никто не узнал о моем новом местожительстве.

– Наш человек. Тогда я скину адрес. Подъехать сможешь? Поговорим нормально.

– Тебе на работу не надо?

– Суббота сегодня.

– Ой, свершилось, я прочувствовала, что в отпуске! Через пару часов буду. Мне еще собаку выгуливать. Хотя она не моя.

– И это подходит. У меня дома кот и хаска. Скучаю. Но сюда не пускают с детьми и животными. Ладно, до встречи, жду.

Трифонова читала эсэмэску неведомой девушки. И никак не могла перейти от названия улицы к номеру дома. Снова, и опять, и вновь буквы складывались в два слова – Большая Садовая, Большая Садовая, Большая Садовая... Возмутительная сумма теперь казалась мелочью. И что, вся аренда пятьдесят тысяч и жировка? Всей квартиры на Маяковке? Точно? Может, все-таки пятьсот? Невероятно.

«Анна Юльевна, разве в социальных сетях дело?» – укоризненно шептала Катя. Она уже знала ответ, но еще боялась себе поверить. Это было везение собственной легкомысленной персоной. Оно вторые сутки то ли обнимало ее, непонят-

ливуую, за плечи, то ли трясло за шкуру. А она все задавала доктору наивные вопросы. Отвыкла от того, что ее словно ведут за руку кратчайшей, удобнейшей, приятнейшей дорогой. Предупреждают о бугорках, не давая споткнуться. Переносят даже через крохотные лужицы. Забыла, как само собой, получается что хочешь. «Любой каприз за ваши деньги». Нет денег? Возьмите! И продолжайте капризничать. А главное, везунчик перестает догадываться, что бывает иначе. Просто мир так устроен. Он замечательный. В нем хорошо.

Катя не улавливала, что в ее интерпретации везение становится добросовестной няней или любящей матерью. А она сама впадает в раннее детство. Да и какое это имело значение. Ничего, кроме твоей ближайшей цели, не имеет значения, когда везет.

4

Трифонова очнулась. Снег кончился и уже таял вместе с магией, которую создал. Только на нехоженной земле Патриков и в развилках крупных ветвей еще держался. Но ему явно недолго осталось. И Козиха, и Тверской бульвар, и Малая Бронная, по которой девушки неспешно возвращались, были пустынно. Изредка замаячат впереди неясные силуэты и растворятся в переулках и дворах, не дав времениобразить, мужские они или женские. Впрочем, кажется, полстранствующих под фонарями не занимал даже их самих.

Катя с трудом привыкала к здешнему безлюдью. По Садовому еще бродит молодежь, но шагни в сторону – ни души. Возле расположившегося в нежилом доме кафе смолит толпа, а обойдешь ее и не встретишь до конца улицы никого. Через пять минут развернешься обратно, уже и толпы нет. Чудеса. Поначалу Трифонова была уверена, что центр бурлит любым своим квадратным метром круглосуточно. Ее уже не так сильно, как раньше, терзала мания преследования. Но она благоразумно отказывалась вылезать из дома после сумерек.

Александрина же, непутевая дочь своего сумасшедшего города, выходила на прогулку, когда ей хотелось. В одиннадцать вечера так в одиннадцать, в полночь так в полночь, в час так в час. Это потом Катя убедилась, что она очень даже путевая. Многие девчонки возвращались домой совсем поздно – с работы, вечеринок, концертов. И шли себе в одиночестве, даже без подружки. Немыслимая в провинции храбрость. Москвичи вообще не боялись шастать по городу в любое время. А их привычка выскакивать среди ночи в ближайший магазин, не глядя на часы, только потому что засиделись и кола с чипсами кончились, приводила Трифонову в ужас.

Когда соседка впервые пригласила ее гулять ночью, Катя запаниковала и отказалась. Александрина не настаивала, собралась и ушла. Несговорчивая медсестра пробеспокоилась до ее возвращения и решила, что больше одну не отпустит.

Пусть Александрина дура, пусть искушает судьбу, но если с ней что-нибудь ужасное приключится, оправданий у Трифоновой не будет. Ведь могла час потратить на человека. Самой полезно было бы размяться. В следующий раз она приказала себе сопутствовать. Дался выход тяжело. Зато сразу все выяснилось про тишь, гладь и благодать столичного центра. После закрытия метро в нем оставались только свои. И своих было очень мало.

Прогулки больше не были обязательной. Катя не сходила с ума, если Александрина гуляла сама по себе. И соглашалась пройтись вместе довольно часто. Она перестала бояться ночных улиц. То есть переставала. То есть заставляла себя переставать.

Катя покосилась вправо. Александрина все так же молча шествовала рядом и неудержимо зевала в обтянутый лайковой перчаткой кулак. Снотворное поздней вылазки начинало на нее действовать.

– Давай-ка разговаривать, – милосердно предложила Катя.

– Неужели решилась?

– Деваться некуда. Ты сейчас заснешь посреди улицы, а мне тебя на себе домой нести.

– Что тут нести? Ермолаевский перешли.

– Все равно тяжело.

– Но у меня нет лишнего веса.

– У меня тоже, – вздохнула спутница. – Разве что твой

будет. Слушай, ты помнишь, как я переезжала?

– А то, – улыбнулась Александрина. – Явилась утром с вещами, продрыхла два часа. Я начала готовить завтрак, можно сказать шампанское на лед поставила, думала, отметим. Но ты вдруг понесла ахиною про жалость к старикам, детям и дворнягам и умчалась. Я даже оробела.

– Ты? Не смехи, пожалуйста.

– Ну, тогда не оробела. Подумала, что девица не в себе. Вот это точно.

Они вошли в дом и поспешили каждая в свою комнату. Кате хотелось быстрее лечь под теплое одеяло и довспоминать, как она жила после нападения Кирилла, как переехала сюда. Боль и страх, растворенные в ее крови, сконцентрировались наконец в одном месте. Стали уродливым прыщом, который видели все. Его необходимо было выдавить. На юный мазохистский азарт, сопутствующий этому занятию, Трифонова не рассчитывала. Но избавиться от гнойника очень хотела.

Глава вторая

1

Перестав тупо шептать: «Большая Садовая», Трифонова опустошила три баночки детского пюре. Потом накормила Журавлика и выгуляла его. Второй день она всем своим существом чувствовала, как рутина пожирает минуты, часы, дни, годы жизни. А раньше громче всех кричала, что дисциплинирует. Зачем? На кой черт дисциплинироваться готовкой, мытьем посуды, уходом за собакой? Нравится – делай, не нравится, но вынуждена, – терпи, стиснув зубы. Только не оправдывай бессмысленные действия самосовершенствованием.

Катя аккуратно уложила в сумку зимнюю и демисезонную одежду и обувь, твердя явно почуявшему недоброе Журавлику:

– Ничего страшного, я просто сдам эти вещи на хранение, здесь очень маленькая темнушка.

Александрина напомнила, что Катя явилась смотреть квартиру с баулом. Это правда. Но то был первый баул, а не единственный. Это она из общежития ноги уносила с одним тощим чемоданом. С тех пор тряпок скопилось на целых три

баула, за раз не унесешь, а на такси денег взять было негде.

Она почти бежала к метро. Почти – из-за своего груза, он был не столько тяжел, сколько неудобен, и равномерно молотил по щиколоткам. Катя еще не обвыкла в своем везении. Ей вдруг стрельнуло в голову, что не только Анна Юльевна умела читать, писать и звонить. Мерещилось, будто незнакомке с Садовой обрывали телефон желающие разделить кров, пока Трифонова возилась. Непростительное промедление для человека, которому некуда деваться.

Она немного успокоилась, лишь выйдя на Триумфальную площадь. Никогда не была, но в старых фильмах видела, как молодежь читала стихи и назначала свидания возле памятника Маяковскому. У нее возникло странное ощущение. Будто она не в реальном месте, а в телевизоре, который его показывает. Стоит, пытается сориентироваться на местности и сама же за собой наблюдает из кресла. И что видит? Девчонку с баулом, которая сильно нервничает. От решения судьбы ее отделяет меньше километра. И надо всего лишь пройти это невеликое расстояние быстрым шагом.

Однако как всегда незнакомый путь показался долгим. Нажившаяся, по ее собственному выражению, в мегаполисе Катя все еще удивлялась. Сколько же сил и времени тратилось на то, чтобы глазеть по сторонам и читать таблички на домах. И какие они длинные, эти незнакомые дома.

Дверь ей открыла девушка лет двадцати восьми. Не только возраст, но и прикид у них был одинаковый – драные джин-

сы и свободные футболки с непрокрашенными швами. Белые сникерсы одной красовались в прихожей, у другой такие же были на ногах. Трифонова понимала, что это равенство кажущееся. Двадцать восемь плюс-минус, нет, все-таки плюс три, а то и пять лет. Рванина и варенка не запредельной стоимости, но на порядок дороже, чем у нее. Такие тряпки уже выгоднее покупать за границей, чем в Москве. Обуви это также касалось. Но, в общем, внешние признаки говорили о том, что девушки могут стать тем, кого Анна Юльевна называла компаньонками.

– О, привет, соседка! Добралась целой и невредимой? Заходи.

Трифонова невольюно поежилась. Она узнала этот высокий, звонкий, громкий, но не резкий голос. Таким все десяти-, двенадцатилетние отличницы и активистки воспевали на торжественных линейках свою распрекрасную школу. А перед Катей стояла взрослая молодая женщина. «В каком же состоянии я была утром, если по телефону эти звуки показались нормальными?» – подумала Катя. Ей еще не раз предстояло услышать, как трубка каким-то чудом делала несвойственный возрасту тембр просто юным и задорным. Ни у кого не возникало опасений, что стоит собеседнице разволноваться, как он превратится в оглушительный визг. Более того, обладательница нестандартных связок выгодно его эксплуатировала, отвечая на звонки в редакции модного журнала. И еще со временем Кате стало ясно, что никакого уро-

на чужим барабанным перепонкам этот вызывающе девчачий голос нанести не может. И сквозь смех, и сквозь слезы, и сквозь страх он звучал одинаково.

– Не разувайся, пока тапки не достанешь. Иди в кухню, она прямо перед тобой. Идеальная планировка, а? Вход во все помещения отсюда. Санузел совмещенный, вон дверь в уголке. Справа моя комната, слева твоя. Они по метражу почти одинаковые. Моя тринадцатиметровая, прямоугольная. Мебели лишней нет, этим меня к себе и расположила. А твоя – пятнадцать метров, квадратная, но мне в ней почему-то тесно, – вновь заговорила девушка. – Итак, ты Катя, медсестра?..

– Хирургическая, – уточнила Трифонова.

– Ого! То есть прямо стоишь над распоротым больным? И крови не боишься?

– Ну да.

– Уважаю, – воскликнула незнакомка. И решила наконец представиться: – Александрина. На имени настояла мама, папа хотел назвать Ольгой. Прикинь, я все детство слушала, как она фальшиво завывала: «А-а-александри-и-ина, теперь пришла зима»... Как только освоила комп, нашла этот душераздирающий старинный шедевр. Тягомотина еще та.

Катя опустила глаза. Она не смогла бы так приложить родную мать, хоть та тоже пела неважно. Искренне возразила:

– Брось, отличное имя.

– Избыточное. Даже Александра длинновато. Ты как меня

будешь звать? Алекс? Рина? Аля? Саша? Ал? Тут принцип – использовать минимум букв. Я откликаюсь на все, привыкла.

– Александриной можно? Мне нравится. И потом, вдруг нам придется ругаться. Тогда пока тебя выговоришь, успокоишься. – Трифонова взглянула на будущую соседку, улыбки не заметила и от греха пояснила: – Шучу. На самом деле я уживчивая.

– Я тоже. Но если захочешь высказать претензии, обращай ко мне по имени-отчеству. Гарантирую, обхохочешься в процессе, и до ссоры не дойдет.

– Слушай, не томи. Как же тебя по бабушке?

– Тимофеевна. Александра Тимофеевна Барышева, изволь любить и жаловать.

– Так ты стебешься, – насупилась Катя. – А я и не догадалась.

Собеседница уставилась на нее не без опаски:

– Нет, взаимопонимание, конечно, не обязательно устанавливаться сразу. Но мы уже десять минут разговариваем, пора бы ему начать возникать. Я серьезно про имя, Кать.

– Не верю. Александра Тимофеевна Барышева звучит по-настоящему красиво. Ты правда не слышишь?

– Ну длинно же слишком! Люди языки ломают!

– Не длинно, а плавно. И пусть ломают, что ломается, вплоть до мозгов. Это их проблемы, не твои.

– Безжалостная ты, Трифонова, – сказала Александра. –

Хотя чего еще ждать от чудовища, которое не боится крови.

И они обе прыснули.

Барышева предложила кофе.

– Вари себе. Я последнее время сижу на зеленом чае, – отказалась Катя. Она представления не имела, как желудок реагирует на забытый напиток. Еще не хватало корчиться от боли при новом человеке.

– Чего у меня нет и быть не может, так это зеленого чая. Извини, но к жидкостям без вкуса и аромата я не прикасаюсь.

– Легко.

– Что легко?

– Извиняю. На вкус и цвет товарищей нет.

– Вот-вот. Правильная девушка. Надеюсь, воспитывать меня не будешь? Пословицами и поговорками. Я универский курс по этой народной мудрости чуть не завалила. Тошнит от нее. Тысячи лет передавали свой опыт афоризмами детям и внукам, и никто не поумнел. Бесплезняк. Катя, стремно мне как-то. Вроде я хозяйничаю, а ты в гостях. У нас же равные права и обязанности. Может, квартиру посмотришь?

– Слушай, я думала, что в центре аренда неподъемная. Хотела сюда, но даже объявления читать не стала бы. Так что спасибо твоей маме и Анне Юльевне, – по-своему подхватила жилищную тему Катя.

– Да ты оглядись хорошенько. За что тут вообще платить? Не мы им, они нам должны по большому счету. Арендаторы

ведь еще и охранники. Знаешь, лишиться пустующей собственности при нынешних мошенниках – раз плюнуть.

Домашняя москвичка, которой в любую секунду есть куда вернуться. Бездомная медсестра о наглости владельцев уже все передумала. Ей было не интересно. Александрина оказалась чуткой. И сразу перестроилась:

– В этой сталинке квартиры небольшие. Но и они в приличном состоянии гораздо дороже. Соединенные две-три с перепланировкой и евроремонтом – вообще закачаешься. Наши хозяева со скрипом потянули косметический – заклеили одни бумажные обои другими бумажными. Установили белорусскую сантехнику – чисто, но жутковато. А еще потолок вымыли. Но, похоже, не красили. Так что не парься, ни один самовлюбленный болван сюда не въехал бы.

– А мы себя не любим, – покорно согласилась Катя.

– Конечно, нет. Я как представлю взаимную любовь с собой... Или еще круче – безответную... Мы с тобой себя уважаем. Мы – девчонки трудящиеся, нам зарплата не с неба падает. Опять же молодые, в четырех стенах не киснем, только ночуем. И, наконец, чем меньше отдадим чужим дяде с тетей, тем больше самим останется. На том стояли, стоим и будем продолжать в том же духе.

Концовки у нее были оптимистическими, о чем бы ни шла речь. «А ведь она права, – мысленно согласилась Катя. – Почему я все считаю наказанием? Чьим? За что?» Александрина, которой уже не терпелось заняться чем-нибудь, помимо

нудных разговоров, сунула ей в руки два листа с печатным текстом. Договор аренды. Трифонова сосредоточенно начала читать.

– Кать, эти бумажки не имеют юридической силы. Они даже у нотариуса не заверены. Я думала, ты сумму оплаты посмотришь, чтобы не сомневалась в моей честности. Или в чем там сомневаются, когда платят? Я с тебя лишнего не возьму. Вот расписка хозяина, что я внесла залог и деньги вперед за первый месяц. Второй начинается как раз сегодня, за него уже пополам. Ну, и залог тоже пополам. Кстати, он без коммуналки. Хочешь, предъявим друг другу паспорта. Все быстрее будет, чем изучать эту муть.

– Действительно, чего я занудствую, – немного смутилась Катя, мельком взглянув на расписки. – Твоя мама и Анна Юльевна дружат. Считай, поручились за нас.

– Какие мы взаимодополняющие, – рассмеялась Александра. – Я пошла от недействительных в любом суде документов. Ты от рекомендаций. Встретились посередине. Меня это устраивает.

– И меня. Я должна тебе пятьдесят три тысячи. Правильно? – Трифонова вышла в прихожую, достала из баула свой маленький рюкзачок, из него кошелек и вернулась. Отсчитала купюры: – Держи.

– Вот оно! Вот чего мне не хватало все утро! Живой денежки в загребущих лапах! – радостно потрясла обретенными рублями Барышева. – Жизнь меня балует. Хотя нет, она

просто осуществляет рекламный слоган: «Вы этого достойны». Я-то готовилась ждать приятного момента до следующих выходных. Думала, пока кто-нибудь найдется, пока созовемся, пока явятся смотреть. А ты нашлась, позвонила и явилась сразу. Ура?

Катя кивнула. И почувствовала, что у нее кружится голова. Энергия, в которую превратилось детское пюре, слишком быстро иссякла. Александрина заметила, что ей не по себе:

– Побледнела ты. Всегда так тяжело с деньгами расстаться?

– Да ну тебя, – отмахнулась теперь уже полноценная соседка. – Я, между прочим, тоже психовала. Если бы не эта квартира, могла завтра остаться на улице. Хозяйка больную сестру привезла, а меня попросила... Только вчера, кстати.

– Вот дрянь! – вскинулась Александрина, словно ее регулярно гнали бомжевать. – Надо даже в эти липовые договоры вносить пункт, чтобы предупреждали жильцов за месяц.

– Где там моя комната? Справа? Слева? Я не запомнила.

– Идем. Тебе надо отдохнуть. Подчеркиваю, отдохнуть у себя дома.

И снова Катя отметила, что она умеет найти хорошее во всем. Даже плакать расхотелось от «у себя дома». Но неумная Александрина добрым словом не ограничилась. Подхватила с пола баул, распахнула дверь, а когда Трифонова вошла к себе, аккуратно закрыла ее. Катя осталась одна. И не смогла даже рассмотреть обстановку. Кое-как дотащилась до

дивана, прилегла, закрыла глаза и уснула через минуту.

Сегодняшнюю Катю поражал ее тогдашний режим. Видимо, его навязал инстинкт самосохранения. Несколько ложек еды, час лютой тоски, три часа злых яростных мыслей, потребности двигать горы и бестолковой активности, два часа хрупкого, но нерушимого сна. Потом все сначала, независимо от времени суток. Это животное существование выматывало сильнее, чем умственное напряжение. Но прекратилось оно лишь тогда, когда девушка отъелась и отоспалась.

В тот день после детского прикорма тоску отменила дорога на Триумфальную. Появившиеся силы ушли на общение с Барышевой. Сон явился по расписанию. Далее следовала потребность в паре ложек гомогенной безвкусной массы.

Выдумщица Александрина плела, будто готовила роскошный завтрак с шампанским. Ничего подобного. Проснувшись, Катя смущенно вышла в кухню. Ей очень хотелось пить.

– Есть кипяченая вода? – хрипло спросила она.

Компаньонка понимающе вынула из белого «солдатика» щербатую чашку:

– Хозяйская. Такое старье оставили. Кипяченой нет. Фильтрованная пойдет?

– Да, спасибо.

Барышева налила воды и поставила на край стола. Его центр занимали крупный помидор, несколько перьев зеленого лука и коробка сырых яиц. Рядом скромно примостилась

бутылка чилийского красного сухого. У Трифоновой рот наполнился слюной, а мозг отвращением. Страшно было представить, что будет, если она запьет кислым вином горячую яичницу с помидорами и луком. И никогда ничего ей сильнее не хотелось, чем всего этого. Надо было отказываться, пока Александрина не поставила на плиту сковородку. И Катя тихо, но внятно сказала:

– Мне надо уйти. Там собака одна, будет до утра лаять. Завтра появлюсь с остатками вещей. Рано.

– А я думала, отметим, – соседка четко ткнула пальцем в бутылку.

– Ты прости меня, ладно? Я действительно сижу на зеленом чае. Не могу пока ничего кроме.

– Так ты голодаешь! – осенило Александрину. – Надо же, мне и в голову не пришло. Расскажешь, каково оно? Я однажды собралась, когда вычитала, что француженки раз в три месяца по три дня голодают. Но в статье было написано, что перед сном надо пить отвар вербены. Это успокоительное, я потом выяснила. А тогда плюнула – вербена какая-то, лень заморачиваться. И, прикинь, вечером закатила истерику. Буквально орала на родителей из-за того, что они телик включили. Моя мама – опытная диетчица. Отварила цветную капусту, сбрызнула маслом, сунула мне ржаной хлебец. И, разумеется, не забыла съязвить: «Не всем дано голодать. Прекрати обезьянничать. Ты не парижанка». Я так хотела жрать, что даже не разозлилась.

– При чем тут парижанка, москвичка? Это зависит от биохимии организма, а не от географии, – вздохнула медсестра.

И ушла так поспешно, что не услышала, как Александрина крикнула ей вслед:

– погоди, торопыга несчастная! Возьми ключи! Ключи возьми!

Честно говоря, Катя расстроилась из-за того, что не вовремя заснула. Что не рискнула поесть и выпить с соседкой. Никто не заставлял обжираться, а глоток вина и половинка жареного яйца ее не убили бы. Ведь эти незатейливые посиделки для дальнейших человеческих отношений очень важны. Меньше всего Трифонова хотела показаться Барышевой экстравагантной, потому что никогда такой не была.

Она довольно бодро шагала, подчиняясь ритму метро, и горько недоумевала. Как ей удалось распуститься до предела? Почему не взяла себя в руки? Не она ли сама твердила девчонкам еще в поликлинике и общежитии, что спастись от внешнего трудно, потому что не все от тебя зависит. Но уж внутри себя прибраться самостоятельно должен любой. И что сделала? Прибралась? Нет, захлामीла голову напрочь.

«Давай, понижай самооценку до нуля, уходи в минус, – отбивался здравый смысл. – Тебе просто начало везти. И за одну ночь, пока ты дрыхла, вместо того чтобы лопатить объявления, нашлась квартира в центре. Теперь, конечно, можно праведно интересоваться, почему так долго не могла собрать себя в кучу. Не это странно. А то, что, когда хозяй-

ка решила возвращаться, прихватив сестру, тебе уже везло. Когда ты плакала от обиды и не знала, куда податься, удача снисходительно гладила тебя по макушке. Действительно, не стоит отчаиваться, когда трудно и плохо».

Эти рассуждения чем-то уже напоминали рассуждения прежней Трифоновой. Катя отвыкла от собственного здравомыслия. И вдруг сообразила, как ей его не хватало. Только с ним она чувствовала себя полноценной. А розовые очки пусть носит Александрина. Знала бы Катя, какого цвета очки на Барышевой, не шутила бы.

Катя последний раз шла в квартиру, где чуть не свихнулась. И впервые не торопилась оказаться за запертой дверью. Она видела город, который был мощнее любого человеческого состояния. Он обеспечивал десятки впечатлений разом. Люди двигались, машины ехали, уличные перспективы открывались – ничего застывшего и безысходного. И это был лишь малюсенький кусочек громады, которая вся вот так же шевелилась, торопилась по своим делам и прихотям не только на земле, но и под ней. А еще в небе летали самолеты. Трифонова поддалась обаянию Москвы. Она не могла сопротивляться самодостаточности этого города с первого дня.

Именно поэтому ей в голову не пришло уехать от всех своих злоключений домой. Подворотню, скамейку выбирала, чтобы укрыться на ночь, а о собственной комнате в нормальной трехкомнатной квартире, о бабушкиных пирожках,

трогательных маминых хлопотах, папином умении рассмешить не вспомнила. Непостижимая равнодушная мощь города всегда действовала на нее лучше, чем привычное бессильное сострадание родных людей.

С чужими тоже не очень складывалось. За годы в Москве Катя так ни с кем и не подружилась. Хотя в мегаполисе двум одиноким женщинам нетрудно начать приятельствовать. Для этого нужны бутылка вина, свободный вечер, дрянное настроение и желание в кои-то веки рассказать о себе правду. Обычно пожаловаться. Все равно на что: на сегодняшнее хамство начальника или на давнюю измену первого мальчика. Как правило, одна слушает, поддакивает и сочувственно кивает. А другая, выслушав ответную исповедь молча, энергично призывает кару небесную на лысины всех мерзавцев, топчущих землю. Думать о собеседнице каждая может что угодно. Например: «Сама, дура, виновата». Но собственная откровенность дорогого стоит. И в следующий раз обе встретятся уже почти подругами.

Катя относилась к типу не кивающих, а проклинающих. Но это не имело значения, потому что о своих проблемах она не хотела никому рассказывать – не могла из себя ни слова выдать. Не видела в этом смысла, хоть режь. Конечно, добиваться от нее откровенности, угрожая кухонным ножом, никто не пытался. И она слыла девушкой, которая не нуждается в компании. Но судьба настойчиво протягивала ей руку помощи. «Она и во второй раз сделала это в месте выгула

собак», – насмешливо подумала Трифонова. Но, справедливости ради, пришлось признать, что больше нигде было: Катя выходила из дома только с Журавликом.

Тогда стандартно все получилось. Она, после неудачной попытки залить горюшко коньяком, не прикасалась к спиртному. Зато та, которую затейница-судьба на нее вывела из льдистых февральских сумерек, за ужином выпила пару бутылок пива. И готова была развеять свое одиночество, пообщавшись с кем угодно.

Увидев входящих на площадку крепкую девицу и черного русского терьера, ростом хозяйке до талии, Трифонова благоразумно подхватила своего тщедушного дворянина на руки и собралась убраться подобру-поздорову. Владельцы крупных собак не слишком церемонятся с владельцами даже породистой мелочи.

– Ой, не бойтесь, мой Латик не тронет. Он обожает играть с малышами. Не зря же я раз в неделю по два часа вместе с ним выполняю задания инструктора-кинолога.

– Это и есть собака Берии? – робко спросила Катя, не спеша опускать Журавлика на землю. – Или я его с кем-то путаю? Извините, в породах не сильна.

– Собака Сталина, – мрачно поправила девица. Вид у нее был такой, будто она восстанавливала историческую справедливость. Но, поскольку Трифонова довольно вяло пожалала плечами, смягчилась: – У меня до Латика был ризеншнауцер. Сука. Адель. Выше, чем он, кобель, представляете? И

умнее, честно говоря, на порядок.

– Еще выше? А умнее, это значит, беседовала с вами по-человечьи? – Катя пыталась говорить твердо, потому что Латик уже знакомился с ней – дружелюбно и на удивление грациозно. Потом явно намекнул, что рыжему Журавлику полезно размяться. Тот, как ни странно, начал вырываться, просясь к симпатичному чудовищу. – Самоубийца, – прошептала Катя.

Через секунду псы носились друг за другом кругами. Через пять минут понюхались. Через десять каждый занялся своими делами. За это время девушки представились друг другу:

– Меня зовут Вера. То есть по паспорту я Вероника, но Вера больше соответствует моей натуре. Проектирую многоэтажки. Не архитектор, инженер.

– Катя. Медсестра. Хирургическая.

– Давайте на «ты», мы, кажется, ровесницы.

– Конечно, – согласилась Трифонова. И сразу заговорила об опасности: – Я слышала, площадку скоро застроят. Вон, смотри, уже какие-то блоки привезли. Вроде кафешка-стекляшка будет. Утром мы гуляли, ворота были настежь, и восточный человек распорядился, где ставить бытовку. Я чего-то в этом роде и ждала. Тут явно пара зданий раньше стояла, да? А то двор ненормальный: с трех сторон на дороги смотрят дома, а с этой мы с питомцами через сетку.

– Seriously? Опять? Задолбали уже и взяточники в упра-

ве, и новые хозяева Москвы из автономных республик! – сердито воскликнула Вера. – Ладно, тут гуляет шикарный риджбек Гера. А его «папа» работает в мэрии. Так что, если кто-то из наших предложит тебе подписать бумажку, мол, единственная в районе площадка для друзей человека, не отказывайся. Мы всегда направляем петицию, а он под глас народа отбивает это место. У чиновника свой интерес. Гера такой свирепый, что с ним по улицам не походишь. Тем более, жена выгуливает, хрупкая дама, не очень с кобелем справляется. Здесь все знают, в одиннадцать утра и в одиннадцать вечера – время Геры. Не терпит других собак, так мы и не приближаемся.

– Ого, какие сложности, – удивилась Катя.

– Ничего, наш спаситель особых подвигов не совершает, – желчно начала противоречить самой себе Вера. И показала на современный бетонный куб через дорогу: – Напротив что стоит?

– Представления не имею. Странно, что ни одного окна на улицу не выходит. Забор вокруг глухой. А в вывеске, по моему, букв двадцать разных, и они ни во что вменяемое не складываются.

– Во-о-от! Умница, зришь в корень. В девяностые снесли четыре дома на той стороне и два на этой. Там появилось единственное строение, в нем неизвестно какая организация. А тут ничего не построили. Расчистили площадку, огородили. И сразу, заметь, тщательно обсадили ее изнутри

кустами и деревьями. То есть с самого начала задумывался не временный пустырь. Соображаешь, что к чему? – заговорищица прищурилась Вера. – Получается, наш мэровский служащий не такой уж герой. Ребята покруче, чем он, не дают тут ничего возводить из соображений безопасности.

– Нашей? – испугалась Трифонова.

– Ага, мечтай. Своей, разумеется, – победоносно сообщила Вера. И понизила голос почти до шепота: – А то и государственной. Но местные собачники назначили обычного клерка благодетелем и помогают ему, собирают подписи. Он и доволен. Видела бы ты, как по-царски его жена принимает благодарности, когда отсюда за ночь исчезают громадные плиты и бытовки. Говорю же, раз в год минимум пытаются хоть угол земли оттяпать, начинают чего-то завозить.

– Слушай, так интересно, – вырвалось у Кати. Ей все, что касалось сопротивления всяческим злодеям, тогда казалось очень увлекательным.

– Я тут родилась, живу и буду жить, меня не проведешь, – веско сказала новая знакомая. – И папа мой тоже. А его родители переехали сюда, в новую квартиру от завода, в пятидесятом. Тогда рабочие были для власти людьми. Кстати, о семье...

И девушка быстренько поведала, что сначала они жили впятером. Потом родители отца умерли. И бабушка со стороны матери тоже. Дедушка завещал свою квартиру ей, единственной внучке. А пока жив, сдал жилплощадь и переехал

к ним. Но зять с тестем не ладят, все время ругаются из-за денег. И прогулки с Латиком – это отдых от мужицких дразн и истерической готовности матери сорвать злость на дочери. Ладно, дело житейское, можно выдержать, если на работе нервы не мотают. Но начальник отдела, в котором ложится костыми за честь своего предприятия Вера, ничего не смыслит в проектировании. Назначили по благу жалкого троечника. А его заместительница – тупая проститутка. Давала прежнему шефу, дает и этому. Ревнует его ко всем молодым сотрудницам.

– Особенно ко мне, – вздохнула собеседница. – Придирается, распекает за ерунду. Обидно, потому что как специалист эта фря ногтя моего не стоит.

Слушательница приуныла. Есть на свете счастливые люди? Хотя бы довольные не только собой, но и близкими? Существуют в реальности те, кого начальство ценит? Хотя бы не обижает понапрасну? Скучно. У всех одно и то же. И ответила Трифонова неохотно:

– Борись, терпи или уходи. Другого не дано.

По законам возникновения женского приятельства настал ее черед заявить, будто она сбежала в Москву, потому что родственнички достали. Но бабушка с младенчества ей внушала: «Не говори о семье плохо, даже если рассержена или обижена. Мы – свои. Мы желаем друг другу добра. Сами поругаемся, сами помиримся, сами все забудем. А чужие в сто раз хуже, но развлекутся нашими проблемами, осудят и век

будут про нас гадости рассказывать».

Катя спорила с ней до потери голоса. Дескать, если в семье все ангелы, она права. А если тираны, эгоисты, дураки? Не понимают, не жалеют друг друга? «Мы же не такие», – сердилась бабушка. Девочка в бунтарском возрасте не была в этом уверена. Но, повзрослев, на родных не жаловалась. Ей было стыдно. Вот она – умная, честная, порядочная, ладит со всеми. Только родители у нее сволочи. И как же ей удалось вырасти образцовым человеком? Назло тем, кто воспитывал, что ли?

Дальнейшее было предрешиено. Молчание Кати Вера расценила бы как гордыню. Решила бы, что напрасно открыла страдающую живую душу высокомерной гадине. И прекратила бы знакомство, чуть сдвинув время выгула. Катя сама недавно так отделалась от мальчика, который теоретически мог причинить ей боль. Пора было расходиться.

Она искала взглядом Журавлика. А в поле зрения Латика как раз попал грузовик, над кузовом которого был натянут брезент. Он был единственным в поздний час на скользком асфальте и медленно ехал от одного светофора к другому, потому что все равно не успел бы на зеленый. Русский черный терьер молча побежал за ним вдоль сетки ограды, которая как раз вдоль дороги от перекрестка до перекрестка и была натянута. Великолепие этого плавного движения завораживало: казалось, Латик не отставал и не вырывался вперед ни на сантиметр. Грузовик затормозил на светофоре. Со-

бака остановилась. И продолжила то ли бежать, то ли лететь, когда он тронулся. Упершись в сетку на углу, Латик коротко взвыл и проводил долгим взглядом то, за чем стремился.

– Что это с ним? Никогда за транспортом не гонялся. Иногда облаивает маленькие такие машинки, снегоуборщики. Да и то, по-моему, водителя предупреждает, чтобы не распукался, – озадачилась Вера.

– Он не гнался, он сопровождал этот самый транспорт, – не сразу откликнулась Катя. – Неужели есть генная память в таком виде? Родился в городе от чемпионов породы, живет себе в хорошем доме. А однажды замечает нечто, очень похожее на автозак, и несется вровень с ним, будто только этим и занимался.

– Между прочим, у меня дед и папа с мамой коммунисты, – горячо бросила Вера. – И при советской власти в стране не воровали. А кто воровал, тот надолго садился. И шпионов, и диверсантов всяких было полно. Империалисты хотели Союз уничтожить, чтобы их трудящиеся не понаделали революций в своих странах.

– Я поняла, – усмехнулась Катя. – Только, знаешь, разговор был о генетике. Русских черных терьеров выводили для ГУЛАГа, для Сибири. Они – конвоиры и охранники заключенных. Собаки не разбираются в приговорах. Кто политический, кто уголовник, им все равно. Это факт. И еще есть впечатление: Латик так целенаправленно, мощно, красиво двигался за этим странным грузовиком. Ты тоже им лю-

бовалась. Скажи, при чем тут идейные убеждения твоих родственников? Вот при чем? Моя бабушка свою жизнь описывает незатейливо: родилась при Сталине, в школе училась при Хрущеве, замуж вышла при Брежневем...

– Так и мои бабки-дедки такие же, – обрадовалась новая знакомая.

– Думаешь, это нормально? Люди хотели власти, добивались ее разными средствами, жили и умирали во власти. Интересно им было, круто, материально ни в чем не нуждались. И знать не знали о существовании этой сначала девочки, потом женщины, теперь старухи. А она ими свою единственную несытую и небогатую жизнь меряет.

– Кать, весь народ так жил.

– И ты намерена продолжить? А я не собираюсь тратить время на обсуждение правителей. Любых, понимаешь? Не хочу повторять ошибки собственной бабули. Еще спросят внуки, чем занималась, о чем думала? И я им выдам про политику государства времен моих детства, юности, зрелости. Нет, у меня вся жизнь – личная. И пусть власть будет мне за это благодарна. Ладно, заболтались мы. Латик косматый, а Журавлик, наверное, до костей промерз.

– Да, да, – обескураженно проямлила Вера. – Нам тоже хватит на сегодня воздуха и физической нагрузки.

Они разошлись. Катя была уверена, что больше потомственную левачку никогда не встретит. И ошиблась. У той было какое-то звериное чутье на нее. Выводила ли Трифо-

нова собаку на полчаса раньше или позже, Вера с Латиком появлялись на площадке через несколько минут. Решалась побродить с Журавликом по улицам, а не топтаться в загоне, обязательно догоняли. Уму непостижимо было, как они целый год ухитрялись не видеться.

«Я ничего ей о себе не рассказывала, почему она не отстает?» – недоумевала медсестра. Она уже боялась, что охотники за спрятанными деньгами Андрея Валерьяновича вместо мальчика с букетом подослали к ней девочку с кобелем. Они даже могли поверить, что Катя не брала записную книжку Голубева. Что она запомнила пароль – Антон Каменщиков – только из-за романтической истории персонажа. Но Кирилл вырвал из поддельной записной книжки листок с этим именем, заставил ее сконцентрироваться на нем. А вдруг она вспомнила то, что было написано в оригинале? Они не знали, что Трифонова следила за Кириллом и видела, как драли из кухонной стены вентиляционную решетку. И думали, что идиотка представления не имеет, зачем кому-нибудь может быть нужен адрес мифического Антона. Но проверить, не всплыл ли он в ее голове, было разумно. В конце концов, других способов найти клад умершего пенсионера у мерзавцев не было.

Но впасть в панику Кате мешали два обстоятельства. Во-первых, Кирилл очень торопился затащить ее в постель. И очень скоро начал изображать ревность, чтобы выпрашивать про Андрея Валерьяновича и его записную книжку. Ка-

тя была уверена, что те, кто подослал молодого наглого любовника, целый год следили за ней после его неудачи. И одновременно выясняли, с кем еще знался Голубев в последние месяцы жизни. Никого не вычислили и решили снова приняться за несчастную медсестру. Значит, они должны были спешить еще больше. А их якобы сообщница медлила, не интересовалась Катиным прошлым. Гигантских собак все боятся. И далеко не каждый соглашается отпустить своего питомца к машине, которая, если не загрызет, то раздавит. Маленький храбрый друг Журавлик для Латика и Веры был неожиданным чудом. Она наслаждалась прогулками и радовалась, что ее псу наконец-то есть с кем играть.

Наконец Катя пришла к выводу: Кирилл и его подельники не имеют отношения к нашей встрече. Дело в самой девице. Кто знает, что представляют собой нынешние коммунисты? Хотя и о прежних у меня смутное представление. Может, для них признание в аполитичности есть высшее проявление искренности? Объяви я себя шлюхой, алкоголичкой, наркоманкой, моя новая знакомая еще могла бы предположить, что выдумываю или шучу. Но лгать о своем недоверии к любой власти никто не станет. Значит, говорила чистую правду. Откровенничала похлеще, чем она про своих родственников и начальство. Потому что ей это ничем не грозит. А на таких, как я, людям до сих пор очень хочется донести. Команды ждут. Частная собственность на квартиру, на дачу со всеми вытекающими правами людям нравится. Частное

нежелание любить власти – почему-то нет. Ну и страсти кипят на собачьих площадках родины.

В Кате, как на ринге, боксировали два сильных желания. Одно – гулять с Журавликом только во дворе и никогда больше не видеть, а главное, не слышать Веру-Веронику, начавшую по третьему разу рассказывать о щенячем периоде жизни Латика. Второе – стараться не раздражаться этим трепом и бродить по улицам под защитой мощного пса. Кто рискнет напасть на нее, когда рядом черный терьер? Да и румяная хозяйка, на которой современная дубленка казалась тулупом, была ему под стать. Лупцевали потребности друг друга жестоко. Вмешаться Трифонова была не в состоянии, просто ждала.

Победила свобода передвижения. «За все надо платить, – мысленно вздохнула Катя. – Лучше научиться пропускать мимо ушей Верину болтовню, чем торчать за дурацкой сеткой, как в клетке. Ненавижу эту площадку. И во дворе стоять мне не вмоготу. Потерплю». Терпеть оставалось недолго. Новоявленная приятельница описала ей детородный орган любовника своей знакомой. Вернее, некоторые его анатомические особенности. Поинтересовалась, какие ощущения та должна испытывать при соитии. При этом губы ее кривились в блудливой полуулыбке. Трифонова еще в общезитии догадалась, что это всего лишь признак смущения. Но ответила мрачно:

– Ощущения исключены. Твоя знакомая фантазерка. Му-

жик с таким инструментом не должен был дожить до совокупления. Он без пластики в туалет не мог бы ходить. И еще... Я на эти темы разговариваю с мужчинами-партнерами, а не с женщинами. Извини, проку не вижу.

– Погоди, ты «Секс в большом городе» смотрела? – приуныла Вера.

– Немного. Быстро надоело.

– Катя, но там нормальные живые бабы разговаривают друг с другом именно на эти темы, и весь мир следит, затаив дыхание. О чем нам, незамужним, еще думать и говорить? Мы так и будем дикими, если не научимся обсуждать постель.

– Какие, какие бабы? Живые? Там четыре темперамента – сангвиник, холерик, флегматик и меланхолик. Четыре женских роли – любовница, нимфоманка, жена, мать. Четыре трудовых модели – фрилансер, собственник, наемный работник, волонтер. Мужиков им тоже подгоняют соответствующих, типажных. Через пару серий ясно, кто что вытворит. Не говори они о пенисах, смотреть было бы просто тошно. А идея не заикливаться на неудачах, верить в себя и двигаться из последних сил вперед – общая для всех американских сериалов.

Вера смотрела на нее с трогательной жалостью, как на убогую. Но сдаваться не собиралась:

– Кать, не злись. Я же пытаюсь найти, что тебе интересно. Думала, раз медсестра, то про патологию.

– А ты расслабься и не ищи. Говори о чем хочешь. Я буду отвечать что хочу. Разве это не общение?

– Согласна, – рассмеялась Вера-Вероника. – Тогда давай, что называется, обменяемся телефонами и адресами.

– Зачем? – изумилась Трифонова. Прозвучало грубо, но она вдруг сообразила, что нарвалась на обыкновенную липучку. Такие норовят сблизиться с любым человеком, который их не посылает подальше. Отделяваться от нее надо было немедленно.

– Не волнуйся, я в гости без приглашения не хожу, – усмехнулась Вера. – Да и подъезды сейчас закрыты. Но, мало ли, что случится.

Магия этих слов подействовала на измученную страхами Трифонову впервые. Раньше она насмешливо спросила бы: «Каких подвохов ты ждешь от мира в ближайшее время?» Но мир показал, что бывает, успеешь крикнуть в трубку только: «Я дома. Несись ко мне с Латиком»... И Катя безропотно вбила свои данные в чужой телефон.

Так Вера начала позванивать в выходные, звать Катю с Журавликом в сквер неподалеку:

– А то мы с тобой по ночам на площадке стоим и мерзнем. Хоть сами походим, поболтаем.

Можно было гулять и чаще, но Веру приходилось слушать. А та занималась выявлением геев и докладывала о результатах:

– Смотри, вон, вон голубые, – шептала она спутнице,

показывая на двух по-чиновничьи лощеных мужчин. Они быстро договаривали о чем-то в явной готовности разойтись.

– С чего ты взяла?

– Ослепла? Какими бархатными глазками они друг в друга стреляют. А вокруг, между прочим, красивые, стройные, богато прикинутые девушки.

Через несколько минут одержимая находила еще пару любовников одного пола. И еще...

– Слушай, по-твоему, выходит, что больше половины мужиков такие? Я считала – нам попались навстречу тринадцать душ. Семерых ты объявила гомосексуалистами, – не выдержала Катя.

– Нечетное число? – озадачилась Вера.

– Угу. Из кофейни трое вышли, так ты со знанием дела их всех под одну гребенку постригла.

– Не иронизируй по поводу знания дела. Мы с девчонками распознавали этих голубчиков два последних года в школе, пять в строительном и уже целых полтора года на работе.

– То есть нынешние девочки поголовно?..

– Конечно! Ты какая-то отсталая, Катя. У меня есть знакомые медсестры. Они за врачами наблюдают. О, больницы – самые интересные места! Там же пациенты кадрят докторов, доктора пациентов, доктора докторов, пациенты пациентов... Медички в нашей среде – уважаемые люди. Такое рассказывают!

Трифонова обалдела. Стоило взглянуть на их частную

клинику, денно и ночью блюдущую свою репутацию... А ведь рано или поздно начнет в ней трудиться какая-нибудь одноклассница Веры-Вероники. Смена поколений, куда денешься. Она взяла себя в руки и осторожно спросила:

– Вы только мальчиков... э-э... сортируете? А лесбиянки вас совсем не волнуют?

– Смешная ты! Кому они нужны? Чем больше девок охмуряют друг друга, тем меньше конкуренция нам, нормальным. А вот с парнями беда. Раньше хоть для вида женились. Девочки говорят, что все красавцы из поколения родителей, сходявшие в ЗАГС с уродинами, гомосеки. У них такой опознавательный знак был – мистер совершенство и жена страхолюдина. Через год-два она становилась еще отвратнее, и никто не удивлялся, что он ее не хочет. Но ведь штамп в паспорт ставили, раз. Детей делали, чтобы налог на бездетность не платить, два. И заводить любовников женам не мешали, три. Все по-честному. А теперь вконец совесть потеряли. Ну как тут мужа найдешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.